

АРТЕФАКТ
&
ДЕТЕКТИВ

Боевой пояс Жанны д'Арк
несет и благословенно,
и проклятие. Он перешел
из рук в руки, обрекая
потомков маршала
Жюль де Ра вновь и вновь
расплачиваться за
совершенное по отношению
к Орлеанской девице
предательство...

Екатерина ЛЕСИНА

Волшебный пояс
Жанны д'Арк

2
издано

Екатерина Лесина
Волшебный пояс Жанны д'Арк
Серия «Артефакт-детектив»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9361538

Волшебный пояс Жанны д'Арк : [роман] / Екатерина Лесина. : Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-78969-6

Аннотация

Многие годы в семье Алиции хранился пояс легендарной Жанны д'Арк. Женщин он наделял силой и дарил удачу, а мужчинам нес безумие, которое постигло и первого его хранителя – Жиля де Ре, предавшего Орлеанскую Деву. На пороге смерти Алиция задумалась о том, кому передать реликвию, вот и вспомнила о сбежавшей дочери и собственной внучке, которую прежде не видела. Вот только саму Жанну появление богатой родственницы вовсе не обрадовало, ведь на состояние Алиции претендует не только она одна. И кто-то из наследников явно пытается избавиться от конкурентов, устраивая несчастные случаи. Жанна не желает чужих денег, но убийца в это не поверит. Единственный способ уцелеть – распутать клубок чужих отношений, где сплелись прошлые обиды, потерянные надежды, зависть и откровенная ненависть...

Екатерина Лесина

Волшебный пояс Жанны д'Арк

© Лесина Е., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

– Я советую вам хорошо подумать, – сказал поверенный, в очередной раз вытирая лицо платком. Платок был огромным, клетчатым, и сам поверенный тоже был огромным и... клетчатым.

Желтый костюм в зеленую клетку.

Рыжий галстук тоже в клетку.

И рубашка.

– Что? – переспросила Жанна, и поверенный вздохнул:

– Подумать. Хорошо. – Сложив платок, он убрал его в нагрудный карман и уставился на Жанну тусклыми серыми глазами. Впрочем, сам взгляд был цепким, настороженным, и Жанне с каждой секундой становилось все более неудобно. Она ерзала, вздыхала, подыскивая подходящий предлог, чтобы сбежать, но предлог не находился, и Жанна ждала.

От нее требуют ответа прямо сейчас?

А она понятия не имеет, что ответить. Бабушка, которую Жанна знать не знала и вообще, честно говоря, думала, что та давным-давно мертва, вдруг вспомнила о внучке и пожелала увидеть.

Познакомиться.

Наладить, как выразился поверенный, утраченные связи и воссоединить семью.

Семья в лице Жанны грядущему воссоединению радоваться не спешила. У семьи имелось множество собственных проблем, куда более насущных...

– Боюсь... – наконец сумела выдать Жанна, которая в обществе людей крупных всегда чувствовала себя неуютно, а поверенный был на голову выше ее и шире вдвое. – Боюсь, я вынуждена отказаться... в ближайший месяц... в ближайшие месяцы у меня нет возможности... я должна...

Жанна тихо ненавидела себя за эту вот беспомощность, за растерянность, за то, что мнется, пытаясь что-то объяснить.

– Вы должны зарабатывать деньги. – В глазах поверенного мелькнула... брезгливость? Или насмешка?

– Да, – сказала Жанна, стиснув бумажную салфетку. – Именно так... а вы...

– Я многое о вас знаю. – Поверенный откинулся в кресле, массивном и весьма удобном для людей крупных. – Жанна Васильевна Уртинская, двадцати пяти лет от роду. Образование высшее, педагогическое. В настоящий момент вы работаете продавцом в супермаркете, а заодно подрабатываете уборкой подъездов... Печально для молодой женщины, но обстоятельства и вправду невеселые.

Он говорил обо всем спокойно, отстраненно, но Жанна стиснула кулаки, пытаясь сдерживать вовсе не характерный для нее гнев.

– Вы стали жертвой брачного афериста. Взяли для него в банке кредит и, если не сумеете его выплатить, останетесь без квартиры. Все верно?

– Да.

Это короткое слово стоило Жанне немалых нервов.

– Вы много работаете, но эта работа... – Поверенный – а ведь он представлялся, но имя его выскользнуло у Жанны из памяти – щелкнул пальцами. – Малооплачиваемая. Грязная.

– Какая есть.

Папа говорил, что не стоит стыдиться своей работы. Работа, какая бы ни была, лучше безделья. Впрочем, слабое утешение.

– Какая есть, – задумчиво повторил поверенный. И снова во взгляде его мелькнуло... Что? Сочувствие? Сомнительно, чтобы этот человек способен был кому-то сочувствовать. – Вот.

Он достал из кармана бумажку.

– Что это?

– Чек. – Поверенный подвинул его к Жанне пальцем. – Этого хватит, чтобы закрыть вопрос с кредитом. Ваша бабушка, Жанна, очень и очень состоятельная дама. И она не привыкла отказывать себе в мелочах...

– Это мелочь?!

Чек. На сумму, которая... хватит... и на кредит хватит, и на проценты, которые, казалось, были больше кредита... и еще останется...

– Для нее – да. Для вас – нет. Но если вы поведете себя правильно, то в скором времени и для вас подобные суммы будут мелочью... – Теперь он заговорил иначе: мягкий рокошущий голос, который обволакивал. И сумма на чеке гипнотизировала.

Жанне столько не заработать.

Она ведь не дура, она... она пытается мыслить практично, хотя это-то у нее никогда толком не получалось, но она пытается. И подсчитывает выгоду.

– Что от меня требуется?

Душу продать?

А почему бы и нет? Жанна живо представила, как этот клетчатый господин достает из второго кармана договор купли-продажи, протягивает его Жанне...

Чушь какая.

– Ничего особенного. – Он чек убрал. – Провести выходные в кругу семьи. Познакомиться с вашей бабушкой. Хотя, конечно, сразу предупреждаю, что знакомство это будет не из приятных. Ваша бабушка – дама весьма своеобразная... и характер у нее резкий. Она говорит, что думает, но... вам никто не запрещает отвечать ей тем же. Она ценит прямоту и силу духа.

Жанна вздохнула.

Встречаться вот с такой бабушкой у нее не было ни малейшего желания, поскольку у самой Жанны никогда не выходило ни с прямоотой, ни с силой духа. Она уродилась неконфликтной.

Дипломатичной, как утверждал папа. Правда, Жаннины коллеги, у которых с прямоотой не было никаких проблем, называли ее бесхребетной.

Жалели даже.

И мысль о том, что придется возвращаться к коллегам, к начальству, которое Жанну не ценило, но взидало свысока, приговаривая, что на Жаннино место всегда желающие найдутся... о пустом холодильнике и старых сапогах, о грядущей осени и неперенных травах, о банке и угрозе квартиру потерять... Все эти мысли разом сделали вдруг перспективу встречи с бабкой не такой уж пугающей.

Жанна съездит.

Познакомится.

А потом вернется к себе и... и другую работу найдет. По профилю.

– Вот и замечательно. – Поверенный взмахом руки подозвал официанта. – Я не сомневался, что вы, Жанночка, проявите благоразумие.

Официант подал счет.

И согнулся в поклоне. И вид у него был такой, что... Жанну официанты игнорировали даже в те счастливые времена, когда у нее имелись деньги для походов в ресторан.

– Если не возражаете, – сказал поверенный тоном, который сам по себе возражений не допускал, – то в банк мы отправимся вместе.

– Зачем?

Рядом с этим человеком Жанна чувствовала себя... неуютно.

– Затем, Жанночка, что отныне я некоторым образом несу за вас ответственность.

Жанна хотела сказать, что она этого не просила и вообще с преогромным удовольствием сама за себя ответственность понесет... но промолчала.

– А банковские кредиты – вещь непростая... вот, скажем, недоплатите вы семь рублей, и банк о них забудет на пару-тройку месяцев... а потом возьмет и выставит вам иск...

– На семь рублей?

– Да, Жанночка, на семь рублей, к ним проценты, штрафы за просроченные платежи, пеню... и в конечном итоге сумма наберется приличная. Так вот, чтобы этого не произошло, я отправлюсь с вами.

– Спасибо.

– Не благодарите, – отмахнулся поверенный. – Алиция Виссарионовна будет недовольна, если у вас вдруг возникнут проблемы...

В банке он и вправду не отступал от Жанны ни на шаг, а после и вовсе ее отодвинул в сторонку. Он говорил что-то и с управляющим, и с начальником кредитного отдела. И говорил свысока, презрительно щурясь. Он заставлял Жанну подписывать одни бумаги, читал другие, собирал, разбирал...

И когда Жанна покинула банк, бросил:

– У вас были крайне невыгодные условия кредитования.

– Знаю...

– Слишком высокий процент, не говоря уже о штрафных санкциях...

– Знаю, – еще тише повторила Жанна. Ей вновь было стыдно, на сей раз за то, что она, Жанна, отняла время у занятого человека, заставив его разбираться с ее проблемами. И ведь проблемы эти возникли исключительно по собственной, Жанны, глупости...

– Извините, – тихо сказала она.

– Это было единственное место, где вам согласились дать кредит?

Она кивнула и уточнила:

– На эту сумму, и быстро.

Он больше ничего не сказал, но вытащил портмоне:

– Вот, купите себе приличную одежду... туфли... и что там еще надо? Боюсь, ваши родственники не поймут вашего нынешнего вида... они, как бы выразиться... привыкли к иному.

– И когда?

– Думаю, четырех дней вам хватит, чтобы уладить ваши дела? Если возникнут затруднения, не стесняйтесь, звоните, – и он протянул визитку.

Звали поверенного Аркадием Петровичем.

Четыре дня.

И один, чтобы написать заявление об уходе, которое начальство приняло неохотно, словно, отпуская Жанну, делало ей немалое одолжение... но ведь отпустило.

Рассчитало даже.

Правда, начислили сущие копейки, но Жанна не расстроилась. Деньги были. В кои-то веки за последний год деньги у нее были!

И вечером она устроила себе праздник с эклерами и кусочком бастурмы, которую очень любила, но позволяла себе нечасто.

Жизнь налаживалась.

Жанна убеждала себя в этом, но получалось не очень хорошо. Грядущая встреча с родственниками страшила. Что этим родственникам от Жанны надо? А ведь надо, иначе почему вспомнили?

Или бабушка умирает?

Ищет, кому передать наследство? Быть может, они с мамой поссорились, а теперь бабушка жалеет о ссоре... или о том, что не знала Жанну прежде... Как бы там ни было, Жанна дала слово. Если ей не понравится, а она была уверена, что не понравится, то... то она отнесется к этому визиту как к работе, за которую Жанне хорошо заплатили.

Работа не обязана доставлять удовольствие.

Именно так...

Оставшееся время Жанна посвятила уборке, что всегда ее успокаивало, и сборам. Утром четвертого дня ее разбудил звонок. Она даже удивилась, поскольку звонили ей редко... Номер не определился.

– Да, – сказала Жанна, пытаясь унять колотящееся сердце.

– Жанна? Никуда не надо ехать...

– Кто это?

Жанна села в кровати. Голос был скрипучим, механическим.

– Никуда не надо ехать, Жанна, – повторил он.

– Почему?

– Никуда не надо ехать... если хочешь жить...

И неизвестный отключился.

Жанна стиснула трубку.

Не ехать? Если хочет жить? Жить она хочет, но... наверное, стоило позвонить Аркадию Петровичу, рассказать о происшествии, и Жанна почти решилась, когда поняла, насколько глупой прозвучит эта ее жалоба... неизвестный звонил.

Пугал.

А она, Жанна, испугалась. Вечно она всего пугается. Илья и тот дразнил ее трусишкой...

– Ерунда какая, – сказала сама себе Жанна, отложив телефон. – Полная ерунда и... и вообще, я слово дала... а слово нельзя нарушать.

Аркадий Петрович явился в обозначенный им самим час. Он поднялся в квартирку Жанны и огляделся. И Жанна огляделась.

Уезжать не хотелось.

Не хотелось до того, что хоть садись в этом коридорчике и волком вой... Жанна в принципе была домоседкой, но чтобы настолько...

– Готовы? – спросил Аркадий Петрович и, не дожидаясь ответа Жанны, подхватил чемодан.

– Нет, – честно ответила Жанна.

– Ничего, по дороге подготовитесь...

– А... нам далеко ехать?

– Не очень. – Чемодан Аркадий Петрович отправил в багажник черного джипа. – Километров тридцать. Ваша бабушка предпочитает жить за городом.

В джипе было прохладно. Пахло ванилью и еще, кажется, шоколадом. Жанна почти потерялась в этой машине, которая была огромной, едва ли не больше всей Жанниной квартиры.

Некоторое время ехали молча. Жанна честно пыталась настроиться на грядущую встречу, убеждая, что встреча эта пройдет если не радостно, то уж, во всяком случае, спокойно... ну в самом деле, что ей сделает милая старушка? Или не милая, но все равно старушка?

Пара дней, и домой...

– Расскажите мне о ней... о них... там ведь не только бабушка будет, верно?

...Но и человек, которому очень не хотелось, чтобы Жанна приезжала.

– А ваша мать...

Жанна покачала головой. Кажется, она когда-то, будучи еще ребенком, спрашивала маму про бабушку и дедушку, ведь папины же были, но мама что-то такое ответила. Жанна не помнит уже, что именно, главное, больше эту тему она не затрагивала.

– Что ж, в таком случае... – Аркадий Петрович покосился на Жанну, явно прицениваясь. – Полагаю, вы уже сообразили, что между вашей матушкой и Алицией Виссарионовной случился некий конфликт...

Жанна кивнула.

– Причина была в вашем отце. Алиция Виссарионовна крайне неодобрительно отнеслась к выбору дочери и поставила дочери ультиматум, однако не учла, что у нее тоже характер имелся.

Это да... Про мамин характер говорили все и радовались, что Жанночка в отца пошла. Вот он был человеком мягким, уступчивым...

– Ваша матушка покинула родительский дом. Попыток возобновить отношения ни она, ни Алиция Виссарионовна не делали. Но не так давно моя клиентка попросила меня отыскать ее дочь, то есть вашу матушку... К сожалению, выяснилось, что та умерла. Однако есть вы. И Алиции Виссарионовне захотелось встретиться с вами. Пожалуй, все.

Он все замечал, пусть и притворялся немного нелепым, рассеянным человеком.

Не старый еще.

Не молодой, конечно, но и не старый... слегка за тридцать. И лицо, если избавиться его от нелепых этих очков, будет открытым, хорошим.

Простоватым.

Правда, простота эта обманчива, на самом деле Аркадий Петрович умен, ловок и хитер. И точно знает, как найти подход к человеку. Наверное, это тоже талант.

– Помимо вашей матери, у Алиции Виссарионовны имелось две дочери, Галина и Ольга, которые проявили большее благоразумие... К сожалению, старшая скорострительно скончалась, а вот младшая, Ольга, жива...

...Значит, помимо бабушки, у Жанны есть тетка, Ольга Николаевна.

– У Галины остался сын, Игорь. У Ольги – дочь Алла и сын Николай.

– У меня, оказывается, много родственников... Думаете, они мне будут рады?

– Сомневаюсь, – спокойно ответил Аркадий Петрович. – Ваша бабушка – женщина в возрасте. Состоянием она обладает немалым...

– Наследство?

– Наследство. – Аркадий Петрович усмехнулся: – Денежные вопросы часто меняют людей не в лучшую сторону...

Жанна вздохнула. Два двоюродных брата, сестра и тетка. И все рассчитывают на кусок состояния... а тут еще один кандидат... кандидатка.

– Мне ее деньги не нужны.

– Пока не нужны.

– Вообще не нужны. Никак не нужны!

– Не кричите.

– Извините, – Жанна вздохнула. Что это с ней творится? Она никогда прежде не повышала голос, тем более на человека непричастного, который только свою работу выполнял.

И еще Жанне помог.

– Вы нервничаете.

– Да... но это... все равно извините. Понимаете, я ведь всегда думала, что с маминой стороны у меня никого нет... вообще никого... Она не любила про детство рассказывать, и... и я как-то не заговаривала даже. А потом мама умерла... и папа... у него тоже родственников нет. – Жанна сунула руки под мышки, обняв себя, как делала всегда, когда нуждалась в успокоении. – И я осталась одна... а теперь выясняется, что не одна...

Аркадий Петрович ничего не ответил.

– У Алиции Виссарионовны имеется и воспитанник. Она разочаровалась в дочерях и решила, что дело должна передать мужчине. Кирилл она нашла в детском доме. Оформила опеку...

– Только опеку?

– Ваша бабушка всегда оставляет себе пути отступления.

– Как-то это...

– Некрасиво?

– Да.

– Кирилл не в обиде. Они неплохо ладят, если с вашей бабушкой в принципе подобное возможно. И скажем, у меня лично нет сомнений, что Алиция Виссарионовна сдержит слово. Нет, она, естественно, не забудет и внуков, но дело отойдет Кириллу...

– Тогда зачем ей я?

– Порядка ради, полагаю. Но не переживайте. Силой вас никто удерживать не станет. В понедельник вы уедете. Если захотите...

– А если нет?

Аркадий Петрович пожал плечами. Похоже, он совершенно не сомневался, что остаться Жанна не захочет.

Жила Алиция Виссарионовна в доме, который Жанне показался неоправданно огромным. Он стоял на вершине холма белым сказочным замком.

– Это все...

– Когда-то вашей бабушке захотелось построить особняк.

Аллея.

И молодые вязы, вытянувшиеся вдоль нее.

Аккуратная лужайка перед главным входом. Фонтан.

– Теперь вы понимаете, насколько ваша бабушка состоятельна?

Жанна не нашлась с ответом. Все это место, начиная от кружевных флюгеров и до каменных стен, казалось ненастоящим.

– С другой стороны – парк. – Аркадий Петрович выбрался первым и руку подал: – Ну же, Жанна, смелее... здесь только смелые и выживут.

Смелее?

Но как, если колени дрожат... и тот давешний звонок больше не представляется шуткой. Напротив, Жанна вдруг четко осознала, что она в этом месте – чужая.

Родственница? Конкурентка. И ради этого дома, ради денег, которые прячутся за белым камнем стен, люди пойдут на многое.

– Аркаша, ты ли это? Конечно... ты... ты же сказал, что будешь к полудню, и вот... – Из дому вышла женщина в летящем легком платье. – А это кто?

– Знакомьтесь, Ольга Николаевна, – Аркадий Петрович поприветствовал даму легким поклоном, в котором Жанне почудилась насмешка. – Это ваша племянница, Жанна.

– Племянница?

– Племянница. Дочь Евгении...

Он потянул Жанну за собой. И ей ничего не осталось, кроме как идти к дому. Она шла, а тетка смотрела. Пристально. Недружелюбно.

– Ты уверен, Аркаша? – Она оказалась немолодой, полной дамой, которая пыталась скрыть свою полноту за легкими нарядами. – Дочь Евгении? Женечка еще когда... сбежала... а эта девица... наверняка пытается воспользоваться нашим горем...

– Каким горем, Ольга Николаевна? – вкрадчиво поинтересовался Аркадий.

– Мы тоскуем по Женечке, – неискренне сказала Ольга. – Мама вся испереживалась... Ты же знаешь, насколько у нее слабое здоровье... знаешь и собираешься подсунуть ей эту... эту мерзавку!

– Ваша матушка сама поручила мне отыскать Евгению. Или ее детей.

– А ты и рад стараться.

– Конечно, Ольга Николаевна. Я рад стараться. И выполнить свою работу...

– Не перестарайся, Аркаша...

Два подбородка, пухлые щеки. Ей должна идти улыбка, но получается она какой-то нервной, змеиной слегка. И на щеках вспыхивает болезненный румянец.

– А вам, милочка, я бы советовала не задерживаться...

– Идем, – Аркадий Петрович потащил Жанну за собой. – Чем раньше ты встретишься с бабкой, тем лучше. На Ольгу не обращай внимания. Она много говорит, но сделать что-либо не способна...

Жанна кивала.

Пыталась оглядеться.

Огромный холл, который смутно напоминает пещеру. Мозаичный пол. Потолок расписной. Наскальная живопись и хрустальная люстра-сталактит. Лестница с крутыми ступеньками.

Аркадий спешит. И эта спешка передается самой Жанне. Она почти задохнулась, перепрыгивая через ступеньку.

Куда?

Зачем?

Мысли исчезли, осталось одно желание – не отставать, потому что если Жанна отстанет, то окажется одна в этом огромном доме, где она – лишняя. И тогда случится страшное.

Аркадий Петрович остановился и перевел дух.

– Напугал? – произнес он с насмешкой, а потом иным, серьезным, голосом продолжил: – Привыкай. Здесь нельзя расслабляться. Сожрут.

И ведь не шутил. Он отвернулся, казалось, разом потеряв интерес к Жанне.

– Жди здесь. Позову.

Дверь, солидного вида, темную, он открыл, не удосужившись постучать. Вошел. И закрыл за собой. Жанна все-таки осталась одна в пустом коридоре-тоннеле. Появилась трусливая мысль, что сейчас самое время сбежать, но Жанна себя одернула. В конце концов, она не маленькая девочка, чтобы бегать от грядущих неприятностей.

Она огляделась.

И стену потрогала... обыкновенная стена, шершавая на ощупь... и сизая какая-то, впрочем, наверное, так и задумано. Портретами вот украшена... Впрочем, как украшена? Портреты мрачные, и люди, на них изображенные, тоже мрачные. Смотрят на Жанну с неодобрением, с презрительностью какой-то...

– Любуетесь? – раздался вдруг голос за спиной, и Жанна от неожиданности присела.

– С-смотрю. – Она быстро справилась со страхом, но не со смущением, все-таки Жанна чувствовала себя чужой в этом месте.

– И как?

– Очень интересно.

Что еще ей было ответить?

Жанна обернулась и уставилась на мужчину в светлом костюме, который, надо сказать, сидел идеально. Да и сам мужчина...

Красив.

Лицо правильное, пожалуй, слишком уж правильное. Загар умеренный. Глаза синие. Волосы темные, уложены идеально. Именно эта идеальность укладки и вывела Жанну из задумчивости, напомним, что неприлично вот так разглядывать людей. Впрочем, этот конкретный человек ничего против разглядывания не имел. Он сам в свою очередь рассматривал Жанну.

– Очередная бедная родственница? – поинтересовался он.

– Похоже на то. – Жанна вздохнула, уже не удивляясь той снисходительности, которая промелькнула в голосе незнакомца.

Очередная. Бедная. И уже только потом – родственница.

– Жанна, – представилась она.

– Кирилл.

Кирилл – это тот самый воспитанник, который в теории станет наследником?

– Рада познакомиться. – Жанна решила быть вежливой. В конце концов, что еще ей остается?

– Не могу сказать того же о себе, но... добро пожаловать.

Он оскалился.

– Жанна, вы уже познакомились? – раздался голос Аркадия Петровича. – Но вынужден прервать вашу беседу. Жанна, Алиция Виссарионовна готова вас принять.

Вот так.

Принять. Готова.

Аудиенция.

Жанна представляла себе Алицию Виссарионовну... да по-разному представляла. Она отдавала себе отчет, что ее бабушка никоим образом не похожа на сухоньких старушек, которые рядятся в ситцевые платья, и на старух иных, располневших, проникшихся любовью к байковым халатам и растоптанным тапочкам. Нет, Алиция Виссарионовна просто-таки обязана была быть совершенно исключительной старухой. И Жанна не обманулась.

Старуха?

Женщина элегантного возраста.

Узкое сухое лицо, на котором морщины смотрятся столь естественно, что Алицию Виссарионовну попросту невозможно представить себе без них. Острые скулы. Жесткие губы. И тяжеловатый упрямый подбородок. Ей идет костюм фисташкового цвета, простой, но вместе с тем ясно, что эта простота стоила немалых денег.

– Присаживайся, – велела она Жанне, указав на кресло.

Низкое и мягкое. Жанна такие ненавидела, поскольку тонула в них, и изо всех сил старалась не утонуть, ерзала... сутулилась...

Под острым взглядом Алиции Виссарионовны, которая разглядывала внучку пристально, видимо пытаясь понять, стоит ли оная внучка потраченного времени, Жанна чувствовала собственные недостатки, которых было множество.

– Здравствуйте, – запоздало поздоровалась она.

– Называй меня по имени-отчеству. Никаких бабушек, бабуль и прочих глупостей, – Алиция Виссарионовна взмахнула рукой.

И Жанна кивнула: ей бы такие глупости и в голову не пришли.

– Ты не похожа на свою мать, – сказала Алиция Виссарионовна, склонив голову. Она сделалась вдруг неуловимо похожа на огромную птицу, хищную, естественно, и уродливую. – Жаль. Я надеялась, в тебе будет больше нашей... породы.

Она перебирала пальцами, и аккуратно подпиленные ногти цокали по столешнице.

– Но ты, похоже, всецело пошла в отца... полное ничтожество. Я предупреждала Женечку, что с ним не следует связываться, но она была слишком упряма. – Алиция Виссарионовна поднялась.

Она оказалась невысокой, но при всем этом умудрялась смотреть на Жанну сверху вниз, и дело было отнюдь не в том, что Жанна сидела.

– Единственная из моих дочерей, у кого в голове было хоть что-то помимо ветра, угробила себя, доказывая мне, что я не права.

Жанна не знала, что ответить, но, кажется, ответа от нее и не ждали. Алиция Виссарионовна обошла кресло и остановилась сзади. Жанна замерла. Она чувствовала себя... беспомощной?

– И что в итоге? Ничемная жизнь и глупая смерть.

– У мамы был рак... Вы полагаете его глупостью?

– Я полагаю, что в наше время рак вполне поддается лечению, если его диагностировать вовремя. Но твоя мама, кажется, была слишком занята, чтобы тратить время на такую, как ей казалось, ерунду, как регулярное посещение врача... притом, дорогая моя, правильного врача.

В голосе Алиции Виссарионовны сквозило раздражение.

– Я полагаю, что она работала с утра до ночи, поскольку твой отец не был способен позаботиться ни о тебе, ни о ней... и я полагаю, что именно он виноват.

– В том, что у мамы рак?!

– В том, что она запустила этот рак до такой степени, что само лечение потеряло смысл. И в том, что даже тогда не позволил ей связаться с семьей. Она хотя бы умерла в приличных условиях.

– Отец никогда ничего ей не запрещал!

За отца было обидно.

Он ведь... он был хорошим человеком... очень спокойным... мирным даже...

– Он любил маму.

– Любил? – фыркнула Алиция Виссарионовна. – Милочка, любить, ничего не делая, легко, но, кажется, его любви было недостаточно, чтобы встать с дивана и устроиться на нормальную работу. Нет, он предпочитал, чтобы работала жена...

– Но...

– Твоя мама не была против? Конечно. Она ведь сама его выбрала, Женечка отличалась поразительным упрямством. И я не берусь сказать, что ее любовь исчезла, но будем объективны. Она гробила себя день за днем во имя какого-то эфемерного чувства... и угробила.

– Папа тоже умер.

– Я и говорю, совершенно безвольная личность. Оставить ребенка лишь потому, что ему, видите ли, сложно стало жить... а кому просто?

Алиция Виссарионовна вернулась на свое место. Она села, сложила руки на столешнице и мило улыбнулась:

– Но мы не будем касаться дел минувших, верно?

Жанна кивнула. Не будет. Она – точно не будет.

– Мы поговорим о тебе, Жанночка... Итак, ты у нас девочка взрослая, самостоятельная. Школа с золотой медалью... – Алиция Виссарионовна мизинцем открыла простую пластиковую папку. – Умница... знания никогда не будут лишними, к сожалению, редко кто это понимает... университет... средней руки, но не самый заштатный... твои родители боль-

шего позволить себе не могли, а Женечка не захотела ко мне обращаться... вот уж глупость, для внучки я бы денег дала.

Жанна вновь кивнула, понимая, что, вздумай мама обратиться к Алиции Виссарионовне, та и вправду нашла бы денег. И не только их, у нее наверняка связи имеются, и поступила бы Жанна не в местный университет, а в МГУ... или в МГИМО... или еще куда-нибудь, куда принято поступать детям из обеспеченных семей.

Но разве, проявив однажды участие в семейных делах, Алиция Виссарионовна оставила бы маму? Она не из тех, кто оказывает помощь, ничего не требуя взамен.

– Училась прилежно... – Алиция Виссарионовна перебирала бумажки, надо полагать, в которых четко и ясно рассказывалась история нехитрой Жанниной жизни.

– Это хорошо... диплом... и работа в школе... никогда не понимала самоотверженности учителей... добре бы тех, которым платят, но нет же... Тебе нравилось там работать?

– Да.

Алиция Виссарионовна приподняла бровь, вероятно, таким образом выказывая удивление.

– Допустим... – Жанне она не поверила. И зря. В школе вовсе не плохо, главное, чтобы коллектив подобрался достойный. Жанна младшие классы вела и скучала по детям, она детей всегда любила... Ничего, вернется. Ведь и ушла исключительно потому, что деньги нужны стали. – Женечка умерла... это ничтожество тоже... ты осталась одна... и сразу влипла в нехорошую историю.

Она укоризненно покачала головой, и Жанна тотчас ощутила острый укол совести.

Она не виновата! Сколько раз она наново переживала события тех трех месяцев, когда, казалось, весь мир был у ее ног... Ладно, не мир, но Илья.

Любовь, которая единственная и до гроба.

А потом вдруг...

– Я понимаю, тебе было одиноко. Но одиночество – еще не повод бросаться на шею первому встречному проходимцу. И ладно бы ты только роман закрутила. Но зачем вешать на себя ярмо кредита?

– Ему нужны были деньги...

– Ему? Милая, вот он бы их и искал... – Алиция Виссарионовна недовольно поджала губы. – Подумать только, моя внучка оказалась... курицей.

Жанна вздохнула. Именно курицей она себя и ощущала, такой вот обыкновенной деревенской несущкой, которую по недомыслию занесло в голубятню да к породистым голубям.

– Ладно, я понимаю, что у тебя не было жизненного опыта... и пример было брать не с кого, но, Жанночка, где были твои мозги?

Жанна молча склонила голову. Наверное, Алиция Виссарионовна права, и Жанна должна была заподозрить неладное, но Илья казался таким искренним.

А ей хотелось любви.

Чтобы как у родителей... чтобы квартира перестала пугать своей пустотой...

– Ты ничего мне не скажешь?

– Нет.

– Жаль. – Алиция Виссарионовна закрыла папку. – Я надеялась, что в Женечку ты пошла хотя бы характером. Ладно, можешь быть свободна. Обед в два. Опозданий я не одобряю. И будь любезна, переоденься... Леночка покажет тебе комнату... с остальными познакомишься вечером. Боже мой...

Она откинулась в кресле и стиснула голову ладонями.

– Вам плохо? – спросила Жанна.

– Плохо... Не семья, а сборище идиотов... и одним стало больше.

Жанна сочла за лучшее выйти.

В комнате спрятаться не получилось.

Надо сказать, что комната эта была огромной, обставленной с немалым вкусом, но в то же время на удивление неуютной. Светлые стены. Белый и совершенно непрактичный ковер. Мебель какая-то сюрреалистическая, хромированная, ломких очертаний.

Жанна вздохнула и велела себе успокоиться. В конце концов, она в этом доме лишь гостя. Погостит и уедет в свою квартирку с крохотным коридорчиком и кухней, оклеенной обоями в виде кленовых листьев...

– Не помешал? – Кирилл вошел без стука, явно показывая, кто в этом доме хозяин.

– Помешали, – огрызнулась Жанна, понимая, что беседы не избежать, а она еще от предыдущей не отошла.

– Очень сожалею, – без капли сожаления в голосе ответил он. – Но я решил, что нам стоит побеседовать, пока еще не все обитатели этого гадюшника узнали о нашем появлении. Как вам комната? Нравится?

– Да, очень.

– Лжете, – Кирилл констатировал факт. – Вы забавная.

– Чем же?

– Всем. – Он прошелся по комнате, провел пальцами по стеклянной поверхности стола, идеально гладкой, чистой... – Вы похожи на...

– Бедную родственницу.

– Именно.

– Я и есть бедная родственница.

– И прекрасно, что вы это осознаете.

Невыносимый тип обошел Жанну по кругу, разглядывая откровенно, и в этом откровении было что-то от издевки.

– Так что вам от меня надо? – Она старалась говорить спокойно, но голос дрожал.

– Присядем. – Кирилл оседлал сооружение из черной кожи и хромированных трубок, которое весьма условно можно было назвать стулом. Жанне достался диван. К счастью, тот оказался жестким. – Я хочу предложить вам союз.

– Какой?

– Деловой. И брачный.

Жанна нахмурилась. Брачный?

– Предложение руки, сердца и контракт заодно, – спокойно повторил тип, покачивая ногой. Нога была обута в гляцевый ботинок с длинным носом. – Позвольте пояснить?

– Буду рада.

Жанна сделала еще один глубокий вдох. Было время, когда она посещала занятия по йоге в тайной надежде немного сбросить вес – с детства Жанна отличалась склонностью к полноте. Энтузиазма ее хватило месяца на два, за которые она лишь осознала, что не создана для йоги или же йога не создана для нее. Единственное, что удалось вынести, – кое-какие приемы дыхательной гимнастики.

– Полагаю, Аркадий вам обрисовал ситуацию... в общем, – Кирилл описал полукруг в воздухе. – Алиция Виссарионовна больна. Она проживет еще месяц-другой... полгода, а то и год... Врачи, конечно, столько не дают, но не в ее характере сдаваться быстро...

– Что с ней?

Кирилл приподнял бровь, но ответил:

– Рак.

Рак? Как у мамы... И если дают полгода, то, получается, не помогла регулярная диспансеризация... или, напротив, помогла, но рак был давно, и Алиция Виссарионовна боролась с ним.

– К сожалению, прогнозы печальны, но... – Кирилл широко улыбнулся. – Не для всех. Не буду скрывать, что меня здесь не любят. Мягко говоря. Алиция Виссарионовна намерена оставить дело мне. Ни дочь, ни внуков... всех внуков, – счел нужным уточнить он, – она не обидит. Но одно дело получить некую сумму отступных, и совсем другое – ее фирму...

– А чем...

– Всем, – перебил Кирилл. – Строительство. Сеть супермаркетов. Легкая промышленность... доля в алмазном холдинге... Интересы Алиции Виссарионовны разнообразны. Ее последний супруг оставил ей небольшую газету, тираж которой Алиция Виссарионовна сумела поднять в десятки раз. Теперь под ее управлением выпускают с полсотни наименований... газеты, календари, специализированные еженедельники... но не это важно.

Жанна молчала.

В голове крутилась известная фраза про владельца заводов, газет, пароходов... и если спросить, то наверняка выяснится, что и заводы есть, и пароходик имеется... или яхта... Действительно, почему нет?

– Важно другое. За что бы она ни бралась, у нее все получается. Алиции Виссарионовне сопутствует удача. И когда ее не станет... – Кирилл поднялся.

А ведь он нервничает. Скрывает волнение, вот только Жанна чувствует его.

– Я бы не хотел лишиться удачи. А для этого мне нужна вы.

– Талисманом?

– Почти. – Он не улыбался. – Я могу наследовать и заводы, и акции, и даже место в совете директоров, но не пояс Жанны...

– Мой пояс?

– Не ваш, – Кирилл улыбнулся уголками губ. – Жанны... Орлеанской девы, если слышали о такой. Ваша бабушка... да и вы сама – не простого рода...

– Еще скажите, что потомки...

– Нет, – отмахнулся Кирилл. Вот что у него за гадкая манера перебивать? – Та Жанна умерла невинной... согласно общепринятому мнению. И следовательно, не могла иметь прямых потомков. Но у той Жанны имелись соратники, а уже у этих соратников – потомки, которым и перепала реликвия...

Он уставился на Жанну, явно ожидая реакции.

Какой?

– Ваш род ведет свое начало от весьма одиозной личности. Жиль де Лаваль барон де Ре, маршал Франции... герой войны... был сожжен шестого октября тысяча четыреста сорокового года в Нанте на городской площади по обвинению в колдовстве и чернокнижии. Как по мне, сожгли его за дело. Он пытался найти источник не то вечной жизни, не то вечной молодости, а для того пускал кровь людям менее знатным... правда, находят и те, кто утверждает, что это обвинение было пустым, никого Жиль де Ре не умерщвлял, а сам процесс был сфабрикован, что тоже вполне возможно.

Кирилл сложил руки за спиной. Он говорил спокойно, отстраненно даже, словно события тех давних дней никоим образом его не касались.

– Обвиненная в ереси, Жанна была сожжена, но не перестала быть Орлеанской девой. У народа были собственные взгляды на происходящее. В какой-то момент короне стало проще согласиться с народом, чем переубедить его. Да и само положение нового короля, Карла VII, было шатким... Ему нужен был кто-то, кто поддержит его притязания, придаст им оттенок законности... пусть даже этот «кто-то» и будет призраком. С призраками, если разобратся, дело иметь выгодно... молчаливы, неприхотливы... и за услуги ничего не попросят. Как бы там ни было, но почти все имущество Жанны, которое хранил де Ре, отошло короне и церкви... барон ведь чернокнижник и еретик, посему земли его и прочее, и прочее, подлежали конфискации... но у него имелась дочь. Незаконнорожденная, она не могла наследо-

вать по закону, но незадолго до ареста Жиль де Ре передал ей деньги, кое-какие драгоценности, среди которых была главная – пояс Орлеанской девы.

– Похоже на сказку.

Кирилл кивнул:

– Я и сам сперва думал так же, но я его видел, этот пояс. Он переходил из рук в руки, оберегая вашу семью. И владеть им по-настоящему, использовать могли лишь женщины. Мужчинам он приносит несчастье... вспомнить хотя бы барона. Мне нужен этот пояс.

– Погодите, – Жанна запуталась окончательно. – То есть вы полагаете, что Алиция Виссарионовна...

– В семье, помимо нее, три женщины. Ольга, Алла и вы. Алиция Виссарионовна не передаст семейную реликвию чужаку. Должна быть кровная связь. Ольга капризна, своевольна и пустоголова. Алла – стерва. Она пытается играть в деловую женщину, но мозгов не хватает. Теперь вот появились вы.

– Не понимаю.

– Вы просто не хотите понять, – произнес Кирилл раздраженно. – Думаете, она не знала о вашем существовании? Знала. Алиция Виссарионовна не из тех людей, которые упускают из виду действительно важные вещи. Она предпочитала наблюдать за вами издали, но теперь вдруг пригласила... познакомиться с семьей.

Это он сказал престранным тоном, который насторожил Жанну.

– Она пригласила вас, чтобы присмотреться поближе. И сделать выбор.

– Между мной и Аллой?

– Других вариантов я не вижу. Нет, есть, конечно, какие-то троюродные или четвероюродные племянницы, но та родня слишком уж далекая... Алиция Виссарионовна такие связи за родственные уже не считает.

– С чего вы решили, что выбор будет сделан в мою пользу?

Кирилл вновь сел. Он наклонился, упершись локтем в колено, а кулаком в подбородок.

– Согласно преданию, пояс обретает свою силу в руках невинной девы...

– Что?

– Алиция Виссарионовна полагает, что у реликвий такого рода есть своя душа. Они способны сделать выбор сами. И если ошибиться, то в лучшем случае пояс будет просто вещью. В худшем... судьба барона де Ре – сама по себе хороший урок.

– Но... – Жанна поняла, что краснеет. – Я не... я...

– Не невинны, – Кирилл усмехнулся. – Физически. Но видите ли, дорогая Жанна, невинность физическая с невинностью духовной имеет мало общего.

Он, как и Алиция Виссарионовна, имел нелепую привычку тарабанить пальцами по столешнице.

– Алла носит со своей девственностью, как с полковым знаменем... Достала, честное слово. Но в душе она стерва, каких свет не видывал. И полагаете, ее можно назвать невинной девой? Нет, Жанна, вы – другое... я читал ваше дело...

Дело? Жанна и не знала, что на нее дело завели, и вспыхнула одновременно и от гнева, и от обиды. По какому праву вот он, наглый, сунул нос в ее жизнь?

– О таких, как вы, говорят, мол, святая простота... или же святая наивность? Главное, что святая...

Смеяться.

Плакать?

Он ведь взрослый человек, разумный, а говорит... чушь какую-то говорит.

– Вы светлая душа, этого нельзя не заметить...

– Почему-то мне не кажется, что вы сделали мне комплимент.

– Не сделал, – согласился Кирилл. – Я отметил это ваше качество, которое в данном случае может быть полезно.

Качество, значит.

– Настолько полезно, что вы готовы предложить мне руку и сердце?

– И брачный контракт.

– Ну куда без него...

Прежде ехидство не было свойственно Жанне.

– Вы же понимаете, – Кирилл ослепительно улыбнулся, – что в случаях, подобных нашему, лучше подстраховаться. К слову, я постараюсь защитить и ваши интересы...

– Как мило...

– Жанна, подумайте, на что вы вообще можете рассчитывать в этой жизни? На карьеру учительницы? Максимум, кем вы станете с вашим характером, – завуч. Директорское кресло займет кто-нибудь более стержневой. Вы же и дальше будете жить по инерции, пока не составитесь. А состарившись, этого не заметите. Впрочем, может, и заметите. И пытаетесь отодвинуть неизбежное, заведете роман с физруком... или с физиком... или кто там еще водится в школе. Роман будет скучный, вялый. Ребенка вы не родите, побоитесь вне брака, а предложение вам не сделают. Все закончится разрывом, истрепанными нервами и успокоительным на ночь. Возможно, вы заведете кота или двух... а может, начнете втихую попивать...

Кирилл замолчал, верно, предоставляя Жанне возможность хорошо подумать и оценить перспективы ее дальнейшего бытия.

– А рядом с вами все будет иначе.

– Конечно. – Он смотрел свысока, нисколько не сомневаясь, что прав. – Во-первых, вы избавитесь от проблем материального плана. Во-вторых, обретете статус и возможность вести такую жизнь, какую и вправду хотите. В-третьих... мне действительно пора обзавестись семьей, как, впрочем, и вам. Вы родите детей...

– Мальчика и девочку...

– Хотелось бы, – без тени улыбки заявил Кирилл. – Но здесь я не настаиваю.

– Замечательный план. А вы не думали, что будет, если этот ваш... пояс достанется не мне.

– Все рискуют, – Кирилл небрежно пожал плечами. – И не всегда риски оправданны. Хотя... в роли супруги вы меня вполне устроите и без приданого.

– Неужели?

– Симпатичны. Воспитаны. Милы. Вы если и будете изменять, то исключительно по большой любви...

– Погодите! – Жанна сдавила голову руками, пытаясь привести мысли в порядок. Они не приводились, но напротив, путались, и она сама путалась. – Вы... вы предполагаете, что я буду вам изменять, но все равно готова...

– Жанна, я взрослый и разумный человек. И принимаю действительность такой, какова она есть. Я осознаю, что верность – это миф... иллюзия... этакая сказка для...

– Вы циничны.

– Каков уж есть. – Он поднялся. – И мне жаль, если я вас смутил. Полагаю, вы были воспитаны в других идеалах... Поэтому, Жанна, просто дайте себе труд подумать над моим предложением.

Жанна кивнула.

Подумает.

Всене непременно.

– Еще кое-что, – Кирилл остановился у двери. – Полагаю, Николаша с Игорьком постараются уделить вам внимание, но... не принимайте их всерьез.

Что ж, кажется, эти выходные пройдут веселей, чем Жанне представлялось.

– До вечера, Жанна...

– До вечера, – машинально ответила она и спохватилась: – Погодите! Это не вы мне звонили?

– Когда?

– Позавчера... говорили, чтобы я не приезжала...

– Не я. – Кирилл потер переносицу. – Напротив, мне хотелось, чтобы вы приехали... Я все-таки рассчитываю на ваше благоразумие. И не только я.

– В каком смысле?

– В прямом. Алиция Виссарионовна ясно дала понять, что мне следует сделать вам предложение...

...Очень мило.

Жанна пока не готова к столь радикальным переменам в собственной жизни. Нет, она не против замужества в целом, но выйти за Кирилла...

И что их ждет?

Жизнь под присмотром Алиции Виссарионовны, с которой станется одолеть болезнь исключительно в силу характера. А если и нет, то... останутся другие родственники... и сам Кирилл.

Он не верит ни в любовь, ни в супружескую верность, а потому изменять будет. Пожалуй, единственное, на что его хватит, – это сделать так, чтобы измены эти не были явными. Но Жанна все равно будет знать о них.

Мириться.

И сходить с ума в золотой клетке. Он не пожалеет золота и искренне будет недоумевать, чего же еще Жанне не хватает для полного счастья.

Дети?

Детей она родит, но воспитать ей их не позволят. Появятся няньки, гувернантки и гувернеры... воспитатели и наставники, ведь она, Жанна, с наивностью своей – плохой пример.

Нет уж... она не готова душу продать.

– Жанна! Жанна, ты где?

Здесь.

У старой башни. Жметя к холодным камням, которые способны поведать о многом, и думает... она всегда только и делает, что думает. А мыслям в голове тесно, они шевелятся, как могильные черви. И Жанна порой боится, что все эти мысли выберутся наружу.

И люди увидят, до чего они некрасивы.

– Жанна! – Его голос мешал сосредоточиться, а ведь у Жанны почти получилось снова... правда, в тот раз ей не поверили, а наставница и за розги взялась, потому как розги – первое средство борьбы с греховностью.

Нет, опять она запуталась.

И все из-за него!

– Тут я. – Жанна поднялась и отряхнула юбки, сшитые из плотной немаркой ткани. – Чего ты хочешь?

– Ничего. Я тебя искал.

Жиль взбирался на холм.

Мелкий и худощавый, издали он походил бы на девочку, если бы девочке позволяли носить мужскую одежду. А еще у него волосы темные и колечками вьются, из-за волос Жиль деревенские и дразнят. Он же злится и тотчас забывает и про то, что является наследником древнего рода, и про рыцарский пояс, который рано или поздно, но всенепременно унаследует, и про то, что к словам простолудинов должен относиться со снисхождением...

– Нашел. – Жанна огорчилась.

Настроение ушло. А без настроения у нее ничего не получится. И вот почему так? Стоит только подойти к той, заветной грани, у которой ее душа готова воспарить в чертоги Господа, как тут же появляется Жиль...

...или наставница.

...или еще кто-нибудь, кому вдруг понадобилась Жанна. И ведь, куда ни спрячешься, обнаружат.

– А ты опять сбежала? – Жиль тяжело дышал.

Старая башня стояла наособицу, на вершине холма. Поговаривали, будто в стародавние времена этот холм был куда как выше, а башня – и вовсе грозной. Сейчас холм осел, точно переходившее тесто, а от башни осталась грудa старых камней.

– Сбежала. – Жанна села на траву. И Жиль устроился рядом.

Он неплохой. Брат все-таки... правда, только наполовину, и вообще это большая-пребольшая тайна, знать которую Жанне вовсе не полагается, но она знает. И ему сказала, правда, сперва потребовав поклясться, что об этой тайне Жиль никому ни словечка не скажет.

Жиль обрадовался. Он всегда хотел сестру иметь, но его матушка, которая еще в том году занемогла, а после и вовсе померла, изначально была слаба здоровьем. И из всех детей, ею рожденных, выжил только Жиль. Про свою матушку Жанна ничего не знает, нет, ей говорят, что будто бы Изабелла – это ее мать, но лгут же... Правда, Жанна делает вид, что верит.

И Беллу по-своему любит. Она хорошая женищина, верующая очень. И супруг ее тоже.

– Расскажи еще, – попросил Жиль.

– О чем?

– О том, что тебе сегодня ангелы сказали. Ты же сюда не просто так пришла, а чтобы их послушать...

Он знал и об этой ее тайне. Он, наверное, был единственным человеком, который знал обо всех тайнах Жанны, впрочем, на самом деле этих тайн было не так уж и много.

– Ничего. – Жанна сорвала травинку и сунула в рот. – Сегодня они молчат.

– Тебе от этого грустно?

Жанна кивнула.

– А вчера?

– Вчера? – Ее глаза блеснули. – Вчера они говорили о том, что у нас с тобой есть великое предназначение...

Жиль слушал.

Ему нравилось слушать Жанну. И дело было вовсе не в словах, но, рассказывая, Жанна менялась. Ее некрасивое лицо делалось вдруг ярким и до невозможности привлекательным, Жиль не мог отвести от этого лица взгляда. Он смотрел на сестру.

Любовался.

И гордился.

И каждое слово, произнесенное ею, становилось истиной. Сердце то замирало, то пускалось влет, и тогда кровь стучала в висках, а голова начинала болеть. Но Жанна утверждала, что это нормально, что у нее всегда после бесед с ангелами голова болит... и если Жиль постарается переступить через эту боль, то тоже их услышит.

Он старался, но все равно ничего не выходило. Наверное, что-то с ним, с Жилем, было не в порядке. Быть может, и вправду он чересчур уж грешен? И греха не боится? Давеча на исповеди не признался ведь, что это именно он подкинул старику Жако толстую жабу.

И про то, как подглядывал за кухаркой, которая к конюху бежит, а потом они вдвоем на сеновале ворочаются и охают...

И еще про многое иное.

Нет, то грехи мелкие, для бессмертной души Жилья и вовсе не опасные, но ведь грехи... Жанна вон утверждает, что только безгрешной душе голоса ангельские слышны.

И молится.

По утрам.

Днем.

Вечером. Порой часами на коленях стоит, и эти самые колени делаются красными. А кухарка, та самая, которая с конюхом знакома, сказала, что будто бы Жанна ненормальная.

Чушь.

Жиль видел ненормальных. Вон в деревеньке живет Анри, про которого всем известно, что его англичане по голове ударили, когда деревню жгли. Давно это было, Анри тогда едва не помер, но выжил-таки, только с ума ослабел. И ходит криво, у него одна рука иссохла, стала на птичью лапу похожа, Анри ее к груди прижимает. А ногу подволакивает. И лицо перекошенное, слюни текут. Говорит он и вовсе не способный, лишь тычет корявым пальцем и мычит.

Не те были мысли, неправильные. О Боге надобно думать, который ниспослал великие испытания на землю, и только достойные люди эти испытания с честью выдержат способны... так говорит отцовский священник... он говорит много и красиво, а еще полатыни, но тогда его никто не понимает почти...

И все одно про Бога не выходит думать.

Если он и вправду такой милосердный и великий, как говорят, то отчего тогда сам англичан не покарает? Пусть бы испепелил всех и разом, то-то была бы потеха!

– Ты мне мешаешь, – сказала Жанна, поднимаясь. Выглядела она не оскорбленной, но расстроенной. – У тебя мысли неправильные.

– А тебе откуда знать?

– Оттуда. Тяжелые. – Жанна вытянула палец и ткнула им в лоб: – Я чувствую, какие они тяжелые...

Жиль поежился. Почему-то ему было неприятно знать, что кто-то, пусть бы и Жанна, которой он верил, слышит его мысли.

А если и заглянет? А если это вовсе не Божье благословение, но самое что ни на есть черное ведовство? И сама Жанна не святая, а ведьма...

Ведьм жгут. А Жилью вовсе не хотелось, чтобы Жанна отправилась на костер, потому он поспешил совладать со своими тяжелыми мыслями и предложил:

– Пошли лучше на пруд.

И Жанна легко согласилась:

– Пошли.

Позже, переступив порог и детства, и юности, Жиль будет вспоминать именно этот день, ныне, казалось бы, ничем не отличающийся от дней иных.

Обыкновенная жизнь.

Замок Машекуль, принадлежащий его отцу, стоял на границе Бретани и Анжу. И Жиль с ранних лет привык считать и замок, и земли, его окружавшие, и людей, на этих землях, своей собственностью. Разве может быть иначе? Ведь Господь благословил два славных рода, Краон и Монморанси, наследником, и все, с кем случалось Жилью сводить знакомство, спешили кланяться, признавая и его власть, и его право.

Все, кроме Жанны.

Не потому ли его так влекло к этой странной девочке?

Отец не одобрял.

Матушка уже болела и редко покидала свои покои. Ее Жиль плохо помнил, любил, конечно, поелику старался быть хорошим сыном, добрым ребенком, но любовь сия происходила единственно из чувства долга. И когда матушки не стало, Жиль испытал лишь облегчение оттого, что избавлен от еженедельных визитов в пропахиные болезни ее покои. От созерцания дебелого тела, от необходимости выслушивать жалобы и стенания, а также от поцелуев, от которых на коже оставался запах болезни.

Жиль ненавидел болеть.

И всякий раз, навестив матушку, сбегал. Благо не находилось в замке Машекуль никого, кто бы посмел остановить будущего хозяина. Отец и тот вздыхал.

– Мальчику тяжело, – оправдывал он Жилья, втайне гордясь своеравностью наследника, который смело нарушал запреты, а значит, выказывал характер, приличествующий рыцарю.

– Ты слишком его балуешь, – дед придерживался иной точки зрения.

Этого вечно хмурого старика, от которого издали разило немытым телом и недовольством, Жиль опасался и всячески старался избегать, что, в общем-то, получалось далеко не всегда. Если деду случалось встретиться с Жилем, то он приставал с вопросами, и каждый ответ заставлял его кривиться.

– Вы преступно нелюбопытны! – пенял дед, ударяя по каменным плитам замка тростью. – Юноше благородного рождения надлежит испытывать тягу к знаниям! А вам охота лишь за лягушками бегать!

Жиль винился.

Нет, учиться ему нравилось, но... учителя были требовательны и скучны, а старый пруд заманчиво зарастал рогозом, в котором наверняка свили гнезда утки...

После смерти матери отец начал пить. И нельзя сказать, чтобы он любил женщину, которую определили ему в супруги. Скорее виной всему была скука.

В замке Машекуль редко что случалось.

– Это плохо закончится. – Дед поджимал губы, раздумывая о том, где и когда упустил ребенка, почему позволил вырасти тому бесхребетным пьяницей.

Отец не слушал и водил к себе служанок. А порой и не водил, устраиваясь в одном из коридоров, и Жиль, подбираясь на цыпочках, смотрел. Однажды он рассказал Жанне, и они спрятались уже вдвоем, только ничего-то не увидели.

– Это грех, – уверенно сказала Жанна. И черты ее лица исказились, словно Жанна вот-вот расплачется. – Это великий грех! Господь его накажет!

Жиль пожал плечами. Если Господь не наказал англичан, которые творили страшные бесчинства, то что ему до отца? Служанки вон не жалуются, напротив, довольные ходят...

Однако или Господь был более непримирим, чем то казалось Жилю, или же сбылось дедово предсказание, но отец погиб. Его не стало, когда Жилю исполнилось одиннадцать.

Глупая смерть. С лошади упал и шею сломал. Разве рыцарям пристало умирать вот так? Нет, и дед согласен, хмурый, снова недовольный. Сидит, смотрит перед собой, и только морщинистые руки стискивают наверху трости.

– Остались лишь мы, мальчик, – сказал он, положив ладонь на голову Жилья, и до того тяжела была она, что Жиль испугался.

– Есть еще Жаннета.

– Какая Жаннета? – дед нахмурился, и следовало бы замолчать, но Жиль не представлял, как останется наедине с этим человеком.

– Она... она моя сестра.

– Глупости.

Жиль хотел было возразить, но не посмел.

А на следующий день семейство Жанны покинуло замок, и покинуло весьма спешно. Жиль видел, как дед говорил о чем-то с Жаном, который кланялся и с каждым разом все ниже. А Белла плакала, вытирая платком глаза.

И Жиль хотел выйти, но оказалось, что его заперли.

Только когда Жанну останавливали замки?

– Я пришла попрощаться. – Она открыла дверь и вошла и закрыла, прижала палец к губам.

– Это я виноват! Я ему сказал... я не сумел... Прости!

Жанна кивнула: она готова была простить, ведь Жиль раскаивался. А раскаяние – это именно то, что позволяет душе очиститься и приблизиться к Господу.

– Прости, – шепотом повторил Жиль. – И не уезжай...

Жанна покачала головой:

– Так надо.

– Дед...

– Дал отцу денег. Видишь, я тебя не обманывала. Если бы я тебе солгала, то твой дед не испугался бы. Он хочет, чтобы мы уехали... И это правильно. Пришла пора.

– Для чего?

– Для расставания. – Жанна коснулась пальцами его виска, и Жиль поразился, насколько холодные у нее руки. – Оно будет долгим, но мы все равно увидимся...

– Откуда...

Она улыбнулась, и Жиль стало неловко: конечно, откуда бы еще ей узнать правду? Ангелы сказали.

– Они меня любят, – сказала Жанна. – Но они просто люди. Я не стану больше пугать их. Я... притворюсь, что такая же, как все... но придет время...

– Когда?

– Не знаю. Может, через пять лет. Может, через десять... они скажут когда. Дадут мне знак. А пока... пока нам следует набраться терпения.

– И мне?

– Конечно, и тебе.

Она говорила так уверенно, что Жиль поверил. Ей легко было поверить. Вот только отпускать эту девочку не хотелось. Он вдруг понял, что она еще совсем мала, пусть и кажется старше своих лет, но именно лишь кажется.

– А... – Он говорил, потому что если беседа прервется, то Жанна уйдет. А Жиль не хочет ее отпускать. И это нежелание сильнее его. – А куда вы едете? Ты знаешь?

И вновь эта снисходительная улыбка: Жанна знала.

– Домреми, – после секундного молчания сказала она. – Определенно, Домреми... Это хорошее место. Нам понравится.

– Что будет со мной?

Жанна покачала головой: она не была предсказательницей. И ангелы ничего не сказали ей о судьбе Жилья, но если обещали встречу, то с ним все будет хорошо. И она улыбнулась, радуясь такому выводу.

– С тобой все будет хорошо... Слушай деда. Он заботится о тебе. И любит. По-своему.

Жанна выскользнула за дверь.

Жиль смотрел в окно, как она забирается в телегу, а Белла садится рядом, обнимает и начинает что-то тихонько говорить. И Жанна слушает ее.

Кивает.

Улыбается... той своей особенной улыбкой...

Вскоре лицо Жанны поблекло. Истерлось из памяти, а вот улыбка осталась...

До обеда ее больше не беспокоили. Хмурая горничная в сером форменном платье предложила разобрать чемодан, но Жанна отказалась. Ей было невыносимо неприятно от мысли, что кто-то будет трогать ее вещи.

В огромной гардеробной ее платьица и пара блузок смотрелись жалко.

Ничего, это ненадолго. Надо немного потерпеть.

К обеду и вправду позвонили. Глухо далеко ударил гонг, и звук его заставил Жанну очнуться от невеселых мыслей. Стол накрыли на террасе. Вид с нее открывался чудесный, и в другое время в другом обществе Жанна, вне всяких сомнений, этим видом любовалась бы.

Зеленые лужайки.

Кусты, стриженные в виде шахматных фигур. Общее ощущение покоя, умиротворенности.

– Значит, вы дочь Женечки, – в который уж раз уточнила Ольга, которая все еще продолжала сомневаться, но делала это как-то нарочито, демонстративно.

– Да. – Жанна поняла, что отвечать надобно кратко.

Ольга к обеду переоделась в бирюзовый костюм свободного кроя, призванный скрыть полноту, но странным образом он лишь подчеркивал и некоторую тяжеловесность Ольгиной фигуры, и возраст ее. Она пудрилась, и сквозь пудру проступали мелкие морщинки.

– А Женечка умерла... Как это печально, – сказала Ольга неискренне. – Нам так ее не хватало...

– Ага, – подтвердил хмурый парень, который сидел по правую руку Ольги.

Николай.

Аспирант. Программист и, несомненно, гений. Это Жанне сказала Ольга, сам же Николай удостоил Жанну пристального взгляда. Притом глаза его показались Жанне совершенно пустыми.

– Мама, прекрати эту комедию.

Алла.

Она села по правую руку Алиции Виссарионовны, тем самым подчеркивая особое свое положение. Алла была... Пожалуй, такой Жанне никогда не стать.

Спортивная. Подтянутая.

Красивая.

Ей к лицу и строгое синее платье с белым воротничком, и короткая стрижка, и даже очки...

– Какая комедия, дорогая? – Ольга подцепила ножом кусок сливочного масла. – Я действительно любила сестру...

– Ну да... конечно... любила... – Алла произнесла это так, что всем стало очевидно: в эту самую родственную любовь она не верит нисколько.

– Рисуетя, – шепотом произнес Игорь, который устроился рядом с Жанной, и она еще не определилась, как ей к этому соседству отнестись.

Пожалуй, Игорь был симпатичен.

Светловолосый и светлоглазый, загорелый докрасна, с лицом открытым, с улыбкой, которая не выглядела вымученной. И одет нарочито скромно. Никаких костюмов и галстуков – светлые джинсы и рубашка с короткими рукавами.

– Алла думает, что если она будет хамить людям, то бабка оценит это...

– Почему? – так же шепотом поинтересовалась Жанна.

Игорь держался просто. Сделок не предлагал, но и не смотрел на нее как на чужого лишнего человека.

– Потому что старуха не устает повторять, будто ценит в людях прямоту. Только прямота – это одно, а хамство – совсем другое... Аллочка наша не понимает...

– Вы ее не любите.

– Сложно любить человека, у которого в жизни одна цель – наговорить другим как можно больше гадостей...

В чем-то он был прав.

– Ты ешь, – посоветовал Игорь, подвигая к Жанне блюдо с мясным рулетом. – И Алку не слушай...

– Спасибо.

– Игорек, ты новую жертву нашел? – продолжала Алла. – Смотри, Жанночка, Игорек у нас – существо ветреное...

– А тебе только серьезные отношения подавай, – огрызнулся Игорь, но вяло, скорее исключительно для поддержания беседы.

– Что в этом плохого?

– Ничего, Алла... Я уверен, когда-нибудь ты встретишь своего принца... прекрасного, а главное, с крепкими нервами, поскольку иной тебя не выдержит.

– У меня просто, в отличие от некоторых, характер имеется, – Алла гордо вскинула голову и покосилась на Алицию Виссарионовну, которая делала вид, что происходящее вокруг совершенно ее не интересует.

Лгала.

Жанна чувствовала и интерес, и... разочарование. Вот только в ком?

– Аллочка, – отозвался Игорь, – не надо путать характер с дурью, это понятия разные...

Алла хотела ответить, но подали горячее, и на некоторое время за столом воцарилась тишина.

И все-таки кто звонил?

Алла? Голос в трубке был искажен... и ведь можно купить такую штучку, которая его меняет? Можно... и в ее характере поступок... или Жанна просто так решила? Николай? Он ест молча и вовсе выглядит полностью погруженным в собственные мысли. Игорь? Дружелюбный свойский парень...

Ольга? Не тот возраст, но...

Кирилл?

Он за обедом отсутствует, но факт этот не вызывает удивления, и значит, такое случается...

– А ты, Жанночка, – беседу вновь начала Ольга, – к нам надолго?

– На выходные...

– И как долго эти выходные продлятся? – ехидно спросила Алла. – Ничего личного, просто интересно. У Игорька вон третий год кряду выходные... или этот... творческий кризис.

– Я художник, – Игорь произнес это шепотом. – А с точки зрения Аллы – бездельник.

– Бездельник, как есть бездельник. – На слух Алла точно не жаловалась. – И бездарь, признай уже наконец, Игорек...

– С чего бы?

– С того, что тебе это умные люди говорили. Наш Игорек, – теперь Алла обращалась к Жанне, на которую смотрела, не давая себе труда скрывать презрение, – возомнил себя великим живописцем. И денег у бабушки выпросил на персональную выставку... организовал... И что в итоге?

Игорь молча уставился в тарелку. Но Алла не собиралась вот так просто отпускать жертву, тем более что жертва эта выглядела покорной, беспомощной даже.

– А в итоге все те... уважаемые люди, – с величайшим удовлетворением произнесла она, – которых Игорек удосужился пригласить на открытие, сказали ему правду...

– Это зависть.

– О да... зависть, не иначе... Если интересно, Жанночка, я дам тебе почитать пару статей... как там писали? Крепкий ремесленник? Лишенный искры истинного таланта? Подражатель? Копиист?

Слушать это было неприятно, тем паче что каждое слово заставляло Игоря стискивать вилку. И в какой-то момент Жанне показалось, что сейчас он этой вилкой ударит Аллу.

– И вот с той самой поры Игорек у нас пребывает в состоянии глубокого душевного кризиса...

– Сочувствую, – тихо сказала Жанна, но не настолько тихо, чтобы не быть услышанной.

– Ему все сочувствуют. И он этим пользуется. Поэтому, Жанночка, не попадайтесь... Сочувствие – прямой путь к паразитизму... то есть я имею в виду, что паразитировать будут именно на вас.

– Как-нибудь переживу.

Чем дальше, тем меньше хотелось оставаться в этом доме, а с учетом того, что и изначально оставаться в нем не слишком-то хотелось, Жанна испытывала почти непреодолимое желание сбежать.

– Переживешь, конечно, – легко отозвалась Алла. – Тебе ведь не впервой переживать, верно? И... полагаю, страдающий гений – твой типаж?

– Алла, – с притворным упреком произнесла Ольга, – не надо трогать Жанночку... все мы совершаем ошибки...

И Жанна четко осознала, что ее жизнь, частная и закрытая для посторонних глаз, давным-давно лишилась всяческой приватности. Каждый из тех, кто сидел за столом, знал про Жанну если не все, то многое. И от этого их знания становилось невыносимо стыдно.

– Конечно, мама, все мы совершаем ошибки. – Алла улыбалась широко и радостно, кажется, получая от происходящего немалое удовольствие. – Но не такие же... глупые... и ладно, одно дело влюбиться в проходимца, но совсем другое – потерять остатки мозгов и влезть в его проблемы...

Жанна стиснула зубы. Возражать? Бессмысленно. Да и что она скажет? Что тогда проблемы казались не его, а общими? И Жанна свято верила, что у них с Ильей семья, а в семье все делят на двоих...

– Но быть может, я и вправду чего-то не понимаю? – Алла произнесла это так, что всем стало очевидно: все она понимает распрекрасно, поскольку, в отличие от двоюродной сестрицы, умна и ни за что не попала бы в столь примитивную ловушку. – И Жанна расскажет нам, каково это...

– Простите, нет.

– Не надо стыдиться, Жанночка! – Ольга смотрела с жадным любопытством. – Мы же теперь семья...

– Упаси боже, – буркнул Игорь.

– Я... не думаю, что хочу говорить об этом.

– Ты не думаешь, – фыркнула Алла. – И этим все сказано... Ладно, прошу меня простить... В отличие от некоторых, у меня множество дел. Бабулечка, а где Кирилл?

Бабулечка?

Меньше всего Алиции Виссарионовне подходило подобное обращение. Или так Алла подчеркивает особое свое положение?

– Уехал.

– А куда?

Алиция Виссарионовна одарила внучку насмешливым взглядом, под которым Алла растерялась.

– Просто мы... мы договаривались встретиться... по одному вопросу... и я подумала, что...

– Вернется – встретитесь.

– А когда?

– Когда-нибудь. Когда-нибудь, дорогая... внученька, вы непременно встретитесь. – Алиция Виссарионовна махнула рукой: – А теперь иди. Тебя ведь дела ждут.

Алла поджала губы, но спорить не посмела. Ушла она с гордо поднятой головой, делая вид, что ничего особенного не случилось. А может, и вправду не случилось, может, нынешний обед от прочих ничем не отличается?

– Алла – дура, – первым заговорил Игорь, и шепотом. – Пыжится, пыжится... бизнес-леди... Только всем понятно, что бизнес ее не загнул, единственно потому, что Кирилл с ней возится.

Алиция Виссарионовна молча поднялась, и Ольга поспешила вскочить:

– Мама, я тебя провожу...

Ее удостоили милостивого кивка. А знают ли они, что Алиция Виссарионовна умирает? Должны... Кирилл ведь не упоминал, что это – тайна... а если не тайна, тогда...

– Прогуляемся? – предложил Игорь. – Я тебе сад покажу. Он действительно красивый...

Жанна прикинула, что заняться ей особо нечем, не в комнате же прятаться в самом-то деле... а больше здесь поговорить, похоже, не с кем.

И вообще, раз уж она попала в этот серпентарий, то следует выяснить, чем местные змеи живут.

– С удовольствием, – ответила она. – Если, конечно, у тебя нет других планов и...

– Нет. Ты же слышала. Я неудачник в глубоком личном кризисе... Какие у меня могут быть планы?

Сад поражал.

Раньше Жанна видела такие сады исключительно на фотографиях, да и то казались они ей нарисованными. И сейчас, медленно идя по дорожке, посыпанной мелким желтым песочком, Жанна не могла отрешиться от ощущения, что все вокруг ненастоящее.

Лужайка вот.

И кусты эти, стриженные аккуратно... вазы... цветы...

– Меня все это удручает, – признался Игорь, до того молчавший. – Все такое...

– Слишком аккуратное?

– Да. Именно. Аккуратное. Правильное. Выверенное. Сад – это отражение того, что происходит в доме. – Он оглянулся на дом, громадина которого виднелась в отдалении, и скинул ботинки. – Только там в роли садовника выступает дорогая бабушка...

Он прошелся по газону, и Жанна испытала преогромное желание присоединиться.

– Правила, правила и снова правила... ты пока не понимаешь...

– Уже чувствую.

– Чувствуешь, но еще не понимаешь. Чтобы осознать все, здесь надо прожить годик-другой. Подъем по расписанию... завтрак, обед и ужин... семейные вечера... ей кажется, что это семью спланирует. А на самом деле все эти посиделки ненавидят. Аллочка будет хвастаться, мой братец – молчать... Кирилл отчитываться, он на самом деле привык уже, наверное, и сам не замечает... Бред, правда?

– Правда, – согласилась Жанна и спросила: – Почему ты не уедешь?

Игорь пожал плечами:

– Наверное, потому, что тоже привык. Да и... куда мне?

– Некуда?

– Да нет... не в этом дело, технически есть куда. У меня от родителей квартира осталась, и дача... но вот... я не уверен, что смогу жить сам.

Этого Жанна не понимала.

– Как тебе объяснить... Алла права в том, что я – абсолютно бесхребетная тварь...

– Не говори так.

Он улыбнулся:

– Нет, Жанночка, это правда, а правда обидеть не может. Во всяком случае, так считает наша дорогая бабуля... но мы обо мне... меня всю жизнь опекали... сначала мама... она характером пошла в бабу, только... не знаю, как выразить. Строже? Отнюдь нет. Скорее уж строгость эта была однобокой...

...Игорь маму очень любил и знал, что мама любит его. Именно из любви к нему она много работает, а ему нельзя отвлекать ее от работы.

Капризничать.

Устраивать скандалы. Требовать недозволительного. Правда, он сам толком не знал, что именно является недозволительным, но на всякий случай не требовал вовсе ничего. С просьбами, если таковые случались, Игорек предпочитал обращаться к отцу. Тот слушал внимательно, кивал, трогал тонкими музыкальными пальцами переносицу, а потом говорил:

– Хорошо... но я не уверен, что мама одобрит...

...И это были страшные слова, потому как само сердце Игорька замирало в ужасе, а ну как и вправду не одобрит?

Но мама молчала. Она была слишком занята, чтобы заметить новый самокат, купленный отцом... или велосипед... или набор оловянных солдатиков... И это ее равнодушие странным образом лишало Игорька радости.

Мама очнулась лишь тогда, когда на велосипеде Игорек въехал в кусты и расцарапал себе лицо.

– Ты меня огорчаешь, – сказала она холодно. – Я же предупреждала, что такие игрушки опасны. А если бы ты глаза повредил?

Игорьку стало стыдно.

– Я больше не буду, – ответил он, несколько не сомневаясь в искренности своего обещания. Мама же кивнула, словно не ожидала иного.

– Что ж, мне и вправду следует тобой заняться. Развивать творческий потенциал пора...

– Может, не стоит? – тихо произнес отец. – Мальчик не выражает интереса...

– Стоит, – отрезала мама. – Интерес появится в процессе.

К развитию творческого потенциала сына она отнеслась серьезно. И с понедельника для Игорька началась совершенно новая жизнь.

Подъем в шесть утра.

Холодный душ.

Пробежка.

Завтрак, исключительно полезная нежирная пища...

...Уроки рисования.

...Лепка.

...Музыка.

Мама преподавала сама. Как-никак она не просто мать, но и известный востребованный живописец, у нее награды имеются, и галереи покупают картины, и вообще она от рождения обладает обостренным чувством прекрасного и нестандартностью мышления.

Разве не справится с такой ерундой, как воспитание сына?

Справится.

Конечно, ребенок неусидчив и не понимает, что одного таланта недостаточно, тем более что талант его, новорожденный, слабоват, но труд и упорство дадут результат.

Со временем.

Школа? И школа – это важно... поэтому расписание просто немного перестраивается. Игорек занят постоянно? Так это хорошо, замечательно даже, поскольку у него не останется времени на всякие глупости...

Игорек слушал.

Соглашался.

Он не мог сказать, что ненавидит этот навязанный мамой ритм жизни, в котором она сама чувствовала себя вполне уютно. Игорек привык.

Он послушно рисовал, лепил и радовал мать успехами, которые, впрочем, были не столь велики, как ей бы хотелось, но... трудиться надо больше. Она и сама следовала своему девизу, порой пропадая в мастерской сутками, и тогда Игорьку приходилось проявлять самостоятельность. Он и проявлял, лишь однажды отступив от установленных матушкой правил.

Девятый класс.

И первая влюбленность, которая оглушает, выбивает из колеи. Дева сердца, кажущаяся столь прекрасной, что у Игорька впервые не хватает ни слов, ни красок для ее портрета. Все его потуги кажутся жалкими копиями, не способными отразить истинную суть избранницы.

Она хрупка, как летний колокольчик.

И портрет ее, впервые переступив через матушкины правила, он пишет в синих тонах, широкой кистью. Он спешит, выплескивая на холст душу...

Но речь не о портрете, который, Игорек готов это признать, был неудачен. Мама оказалась права в том, что спешка вредит делу. Да, речь не о портрете, а о его позорном бегстве из дому.

Школьный вечер. Отпрашиваться бесполезно – мама не пустит. В девять Игорек должен отправиться в постель. У него режим, а режим нарушать нельзя... Он и не хотел, просто вечер.

Танцы.

И быть может, у него получилось бы потанцевать с Инной или хотя бы увидеть ее еще раз...

Игорек сбежал.

Мама вновь исчезла в мастерской, исполняя срочный заказ, отец отбыл в очередную командировку. А Игорек... он солгал, что устал, и отправится спать раньше.

Он закрыл дверь.

И кровать расстелил исключительно по привычке – мама не имела обыкновения заглядывать к нему перед сном. Он выбрался в окно, оставив его приоткрытым, благо мама полагала, что спать следует именно так, и не важно, что на улице февраль...

Холодно было.

Но к холоду Игорек притерпелся давно, казалось закаливание. До школы он добрался минут за пять. И на танцы прошел... и все было прекрасно.

...А после дискотеки его подловили.

– Ты что, придурак, самый борзый, да? – сказал Гришка, который учился в десятом классе, и поговаривали, что учился исключительно благодаря положению отца, человека небедного и занятого. Наверное, вследствие этой исключительной занятости отец и не уделял Гришкиному воспитанию должного внимания, полагая, что тот сам вырастет.

Тот и рос.

Наглым, своевольным и диким. В школе его боялись.

– Простите? – спросил Игорь, не зная, что еще сказать. Он впервые оказался в подобной ситуации. Нельзя сказать, что Игорек испугался, тогда он не представлял, что можно чего-

то бояться. В его уравновешенном, расписанном по минутам мире попросту не оставалось места для страхов.

– Инку не трожь. – Гришка был не один.

Трое? Или четверо? Позже Игорек честно вынужден будет признать, что совершенно не помнит. Не интересовали его люди.

А вот Гришкино лицо, которое отличалось редкой правильностью черт, так напротив.

– В каком смысле я не должен ее трогать?

Он рассматривал это лицо, удивляясь странному явлению: несмотря на эти самые правильные черты, благодаря которым лицо должно было быть привлекательным, оно гляделось откровенно уродливым. Не лицо – харя...

...В красных тонах...

...Или нет, красный – и без того агрессивный цвет, отвлечет внимание, а надо, чтобы подчеркнул это несоответствие.

– В любом, – ответил Гришка и ударил.

Кулаком в лицо.

Было больно. И еще очень обидно, потому как до этого дня Игорька не били. Он совершенно растерялся... в отличие от Гришки.

– В себя я пришел в больнице, – Игорь по-прежнему шел босым, туфли свои держал за шнурки, – и следует сказать, что мне повезло. Отделался синяками и легким сотрясением. Мама была недовольна.

– Тем, что ты сбежал? – Жанне было странно, что ей вот так запросто взяли и рассказали о столь личных, интимных даже вещах.

– Тем, что попал в больницу и отвлек ее от дела. Опять же, у меня могли пострадать руки, или глаза, или еще что-нибудь, что перечеркнуло бы весь ее труд. – Игорь печально улыбнулся: – Кажется, именно тогда я начал понимать, что для нее важен не я сам, а то время, которое она на меня потратила... Как же, мне следовало продолжить династию... достичь новых высот... поддержать славу матери, а я в драку полез. А знаешь, что самое обидное?

– Нет, – честно ответила Жанна, поскольку с ее точки зрения обидным было все.

– То, что Инна и вправду предпочла Гришку. Парня вновь отмазали... его отец приехал к маме... не знаю, о чем говорили, но мама попросила больше не выяснять отношения на кулаках... как будто это я драку начал... и вообще сказала, что скоро выпускной класс и надо думать о будущем.

– Ты думал?

– Зачем? За меня все обдумали. Пожалуй, я еще в детский сад ходил, когда мое будущее расписали до самой пенсии, если не дальше...

– А ты?

– А я... я привык, говорю же. И еще Инна... она со мной и разговаривать не захотела. Слабак, мол... а вот Гришка – тот сильный. Это только мама во мне будущего гения видела, а остальные – ботана. Тогда я и понял, что мне с этими остальными не по пути... точнее, мне хотелось с ними, но как именно стать своим, я не знал. И вернулся к маме. Осуждаешь?

Жанна покачала головой. Она скорее не понимает, причем вовсе не тех, давних, поступков Игоря, а нынешней его откровенности перед человеком чужим.

– Школу я закончил с золотой медалью. Поступил. И странно было бы, если бы не поступил... я тогда и вправду думал, что мама права, что у меня талант... и надо работать, раскрывать потенциал. Пахал как проклятый, но... знаешь, я ведь надеялся, что в университете меня если не полюбят, то хотя бы примут. Я ведь такой же... точнее, вокруг меня такие же, одержимые искусством... и, по идее, нам бы найти общий язык, но нет. – Игорь щелкнул пальцами. – Теперь уже завидовал не я, а завидовали мне.

– Чему?

– Всему. Тому, что у меня талант все же имелся. Нет, теперь я не настолько наивен, чтобы считать себя гением, но мамины усилия просто не могли не дать результата. У меня все получалось легко. То есть со стороны казалось, что у меня все получается легко, а на самом деле за этой легкостью стояли годы работы. Об этих годах никто особо не думал. Все вдруг увидели мальчика из семьи со связями, с мамой, которая заслуженная и именитая... Думаешь, кто-нибудь поверил, что я поступал сам? Что сдавал сессии сам? Что хвалили меня не из-за мамы? Нет, все вдруг резко решили, что сам по себе я – полное ничтожество.

Наверное, это было горько.

Жанна попыталась представить, каково это, учиться там, где тебя тихо ненавидят и презирают. Нет, она бы не смогла. Ее собственное поступление было обыкновенным. Документы. Экзамены. Первый курс, и вот уже, не успела опомниться, и пятый.

Выпускной.

– И ладно бы... мне бы на них плюнуть, но я решил доказать всем, что они не правы. Последний год перед выпуском я работал как одержимый... – Игорь понурился и очень тихо сказал: – Мама как раз погибла... папа еще раньше, но он... понимаешь, он был очень незаметным. Я его любил, но он ушел, и ничего не изменилось. А когда не стало мамы... представь, что небо рухнуло на землю.

Жанна представить подобное была не в состоянии.

– Мне мамина смерть казалась невозможной. Я до самых похорон надеялся, что произошла ошибка, что вот я проснусь и окажется, что это сон такой, дурной... а он все длился и длился. И тогда я спрятался в ее мастерской. Тоже предмет зависти... Многие снимали квартиры, комнаты на двоих или троих, а о мастерской приходилось только мечтать. У меня же имелась собственная. И никогда-то не было проблем с материалами. Все высшего качества, в количестве неограниченном. Сперва я делился, надеялся, что хотя бы так... а потом понял, что чем больше я даю, тем сильнее меня презирают. Такой вот парадокс. Но я ведь не об этом, да? Слушай, я тебя не утомил?

– Нет.

– Это, наверное, полное безумие, но мне тут и вправду словом не с кем перекинуться. Алла, сама понимаешь, та еще стерва. Николаше на все плевать. Ольга за детей любого в бочке с дерьмом утопит... ну а Кирилл выше всех нас, простых смертных. – Это Игорь произнес, не скрывая злости. – Бабкин любимчик... Ничего, посмотрим, вот бабка помрет, и тогда...

Он осекся, и Жанна тихо поинтересовалась:

– Что тогда?

– Ничего, Жанночка, не слушай. Это место меняет людей. Вот и я постепенно становлюсь полным дерьмом... Надо уезжать. – Он остановился у зеленой стены. – Ты была в лабиринте?

– Нет.

– Тогда идем, только обуюсь, там дорожки гравием посыпаны, колются. Не бойся, я там все ходы и выходы знаю. Мне в нем нравится, единственное место, где тебя оставят в покое. И думать хорошо. И работать... Наверное, горбатого могила исправит, но я вновь хочу попробовать.

Игорек обулся быстро и руки вытер о джинсы.

– На будущее, если захочешь погулять одна, все время держись левой стены и обязательно выйдешь. Там, кстати, пруд имеется с золотыми рыбками...

Зеленая стена тянулась и тянулась. Жанна попыталась было разглядеть, где она заканчивается, но вскоре сдалась. Лабиринт выглядел если не бесконечным, то достаточно боль-

шим, чтобы в нем и вправду можно было заблудиться. Вход в него был спрятан между двумя зелеными колоннами.

– Не бойся, – сказал Игорь, широко улыбнувшись. Жанна хотела ответить, что вовсе и не боится, но промолчала, потому что сердце стучало быстро, неровно.

Сказать?

Попросить, чтобы к дому проводил? Но признаваться сейчас в собственной трусости Жанна не готова. А потому просто постарается держаться Игоря. Не бросит же он ее в лабиринте, в самом-то деле!

Он же шел уверенно, не замечая Жанниных сомнений. И рассказ продолжил:

– В общем, последний год перед выпуском я почти и не выходил из мастерской. Похудел на пятнадцать килограммов... вроде как нервное... меня потом полгода откармливали. Откормили.

Игорь похлопал себя по бокам. Он и вправду не выглядел исхудавшим.

– Главное, что я закончил работу... Я мечтал о выставке, а тут бабка объявилась. На работы смотреть даже не стала, денег кинула и Кирилла, чтоб, значит, все организовал. Мы с Кириллом никогда особо приятелями не были, но вынужден признать, что организовал он все по высшему разряду. Приличная галерея, в которую меня и вправду без протекции не взяли бы... приглашения... пресса... Самое смешное, что я совершенно не волновался. Я был уверен, что достоин этой чертовой выставки...

Игорь остановился на развилке.

Три дорожки, как в сказке: направо пойдешь... налево...

Он выбрал прямо. И Жанна пошла за ним. В лабиринте было прохладно и тихо. Шуршал гравий под ногами, слабо подрагивали зеленые листья, за которыми проглядывало плотное плетение ветвей.

– Я был горд собой. И надеялся, что мама мною тоже гордится. Я ведь посвятил выставку ей. Ее памяти. А потом прочел в газетах...

Он резко выдохнул.

– Меня не ругали, нет. Хвалили. Но творческие люди умеют похвалить так, что похвала получится с явным привкусом дерьма. Мой случай. Меня хвалили за технику... за дотошность, за точность передачи цвета... а это... это, знаешь, как похвалить повара за то, что у него пироги круглые. Нет, хреновое сравнение, но другое в голову не идет.

Жанна вздохнула и коснулась локтя кузена:

– Тебе было плохо.

Не вопрос, потому как ему и сейчас плохо от тех воспоминаний. Игорь не собирался отрицать, только головой дернул, признался:

– На меня повесили ярлык ремесленника... это неплохо, но... знаешь, мне раз и навсегда определили место. Отказали в том, чтобы стать творцом... Тебе не понять.

Он и руку отдернул, но тут же успокоился, сказал:

– Извини, Жанна, я и вправду слишком остро на это все реагирую. Теперь-то я понимаю, что поспешил... Знаешь, дело ведь не в картинах, а в том, что у меня вновь было слишком много всего. Теперь уже не мастерская и краски, не родители именитые, но сама возможность прорваться в центральную галерею. Вчерашний выпускник, и вдруг персональная выставка... а многие из тех, кого я пригласил, дурак ушастый, первой своей выставки годами добивались, выгрызали свое у жизни. Мне же все досталось по первому «хочу». Вот мне и отомстили... не со злости, нет. Из зависти. И еще из желания показать такому сосунку, как я, место, его достойное. И у них получилось. Я и вправду впал в депрессию... пить начал... творческая же душа...

– И ты переехал сюда?

– Меня сюда перевезли. После трехмесячного запоя. Честно говоря, помню то время смутно. Я гулял... кажется, спалил пару картин... и еще несколько порезал. Главное, что почти не просыхал. А потом явился Кирилл аки ангел господень и велел уgomониться. Я его послал, это я помню четко, и драться полез. Он же меня приложил лбом о стену. Очнулся я уже в больничке, специализированной, где меня из запоя вывели, антидепрессантами накачали по самое горло. А для полноты врачебного эффекта приставили душеведа, который в моем прошлом принялся ковыряться. Я в этой больничке провел следующие полгода. Кирилл навещал.

Игорь выдохнул резко и кулаки стиснул.

– Он поганец, да... и я просился домой... я клялся, что больше к бутылке не притронусь, и вообще... я ненавидел это место, такое приличное, уютное, но... и дорогая психушка психушкой остается.

– Зачем ты...

– Рассказываю тебе? – Игорь подал руку, помогая переступить через каменную борзую, которая разлеглась поперек дорожки. – Затем, что тебе все равно расскажут, только слегка переврут. А мне не хотелось бы, чтобы единственный адекватный человек в этом доме считал меня психом. Я не псих, я...

– Творческая личность.

– Вроде того. Меня мутит от этого словосочетания. Творческая... Они у меня в голове здорово покопались. Я потом долго отходил... таблеточки пил... их мне Кирилл лично приносил, следил, чтобы я по недомыслию не пропустил ненароком. Заботливый, чтоб его. Сейчас налево. Пруд здесь красивый, я люблю сидеть, смотреть на рыбок... Не говори никому, пожалуйста, но я снова писать начал... не маслом – акварель, купил тайком... в лабиринте прячу.

– Ты мне настолько доверяешь?

– Я хочу тебя нарисовать, – признался Игорь. – Я их всех рисую. Я тебе покажу потом, ладно? А ты мне честно скажешь, что думаешь... только честно, да?

– Да. – Голос Жанны дрогнул.

Она не знала, сумеет ли соврать убедительно, и очень надеялась, что лгать не понадобится.

– Боишься меня обидеть? Не стоит. Я не обидчивый... закалили характер.

За очередным поворотом обнаружилась арка, увитая белыми цветами.

– Прошу, – Игорь подал руку. – И наверное, я все-таки уеду отсюда... В прошлом году еще собирался, но бабка потребовала, чтобы я перестал ерунду молотить. Знаешь, она странная. С одной стороны, совершенно невыносимый человек, а с другой – она и вправду о нас заботится, по-своему. Она точно знает, что для нас хорошо, а что мы не согласны, так это – капризы...

И очередная развилка.

Поворот.

Зеленые стены сближаются, и Жанна вдруг понимает, что не найдет обратной дороги.

– И ты отсюда не уедешь. Не позволят. Сначала найдут один предлог. Потом другой... если понадобится, то и третий... В конце концов, Жанна, умирающим не отказывают. Правда, – Игорь нехорошо осклабился, – умирает она уже третий год и сколько еще протянет – одному богу известно.

– Это ты зачем мне сейчас сказал?

– Чтобы ты не строила иллюзий.

Он вдруг изменился, неуловимо, исчез славный, слегка печальный парень Игорек, и появился некто, отнюдь не дружелюбный. Эта перемена длилась долю секунды.

– Мне не нужно наследство. И... и оно ведь все равно достанется Кириллу...

– Это Кирилл так думает. – Игорь стал прежним, но Жанна больше не верила этой маске показного дружелюбия. – Точнее, делает вид, что думает именно так и никак иначе. Со старухой нельзя показывать слабость. А сомнения – слабость и есть. Но правда, Жанночка, в другом... он не родной ей. И бабка об этом помнит. Семейное дело чужаку передать? Сомневаюсь.

– Тогда кому?

Неприятная тема, уж лучше бы и дальше слушать откровения Игорька о его нелегком детстве, но Жанна обязана знать, во что влипла.

– А вот тут выбор небольшой. Я. Николаша. Аллочка... А теперь вот и ты появилась, тихая милая девочка. Знаешь, она ведь не сама о тебе вспомнила. Кирюха подсказал. Он парень головастый. И свое упускать не желает. Есть один вариант, который гарантирует, что наследником назначат именно его.

– Какой?

– Такой... не обижайся, я говорю, что думаю... мы тут все постепенно начинаем говорить, что думаем. Или притворяться, что говорим... – Игорь остановился на развилке и щелкнул по носу очередного мраморного пса. – Кирилл может жениться. На тебе или на Алке, и тогда он гарантированно станет частью семьи. Точнее, в будущих его детях будет правильная кровь. А для старухи это важно...

Игорь замолчал, позволяя Жанне обдумать услышанное. Она и пыталась, но все это было настолько дико, настолько неправильно, что сами мысли путались.

– Вот Кирюха и начал Аллочку обхаживать... еще в том году. У него нюх собачий, четко просекает, откуда ветер... но потом, верно, пригляделся к кухне поближе. – Игорь потер подбородок. – Я ее в желтых тонах написал. Желтый – цвет ненависти. Или зависти. Алка всем завидует. Голодные глаза. Вечно ей надо все и сразу... И с такой жить – лучше удавиться добровольно. Вот Кирюха и принялся искать... альтернативные варианты.

И нашел Жанну.

– Он подкинул старухе мыслишку, что надо бы воссоединить семью, раз уж старуха помирать собралась. Небось знал наперед, что родителей твоих уже нет... а ты вот есть... и, думаю, о тебе тоже узнал немало... решил, что подойдешь ты ему, в отличие от Алки.

– То есть мне надо быть благодарной...

– Окстись, Жанночка, какая благодарность? – Игорь засмеялся. – Он тебя в это дерьмо втянул, а ты благодарность... Нет уж, он тебя теперь не выпустит. Поэтому берегись.

– Кирилла?

– И его. И Алку... она же влюблена в него, как кошка... но ломалась, ноги об него вытирала, показывая, что, дескать, принцесса вся из себя, а он так, приبلудыш. И довытиралась. Сейчас небось локти кусает от злости. И пускай, ей полезно яд спустить, но будь осторожна. Алла не привыкла отдавать свои игрушки.

Кирилл не походил на игрушку, скорее уж на игрока. С него самого станется манипулировать, что Жанной, что двоюродной сестрицей ее. И пусть та особа неприятная, но Жанне жаль ее.

Немного.

– Еще скажи, что Николаше есть за что меня ненавидеть.

– Николаше? – Игорь хмыкнул: – О том, что в Николашиной голове творится, не знает даже его мать... но мы пришли. Как тебе местечко? Симпатичное?

Площадка, усыпанная белым камнем. И два фонтана мраморными вазочками для мороженого. Вода стекает в шестиугольник пруда, выложенного ярко-голубой плиткой.

Скамеечка.

И крохотная, на одного человека, беседка.

– Попозируешь? – попросил Игорек, вновь преобразившись. Теперь во взгляде его читалась мольба и одновременно – жадное предвкушение... и еще что-то, чего Жанна не разобрала.

– Я не умею.

– А тут уметь ничего не надо... ты просто сядешь... вот у пруда и сядешь... там рыбки красивые... смотри на них, а я порисую... недолго, честно! Когда устанешь, я сразу отпущу! Жанна, пожалуйста... а то я уже забыл, каково это с живым человеком работать...

Посидеть?

Ничего сложного. И времени свободного у Жанны хватает. И лучше уж смотреть на рыбок, чем на недовольные лица новоявленных родственников.

– Ты чудо, – Игорь обрадовался. – Тогда давай место выберем... вот здесь... нет, сюда... тут чисто... и вот, держи, постели, ладно?

Он подал клетчатый большой платок.

– Садись и представь, что меня здесь нет...

– Но ты есть.

– Конечно, я есть. Но... понимаешь, если ты будешь смотреть на меня, то это не то. Люди становятся настоящими, лишь оставаясь наедине с собой. И мне надо, чтобы ты забыла о моем присутствии... представила...

– Что тебя нет.

– Именно. – Он вытащил из кустов за беседкой коричневый чемоданчик, признавшись: – В дом нести не хочу, обязательно кто-нибудь да сунет нос, а я... я вроде как в кризисе и вообще... если поймут, что снова рисовать начал, заклюют. Но ты отвернись... там рыбки...

– Помню.

Жанна попыталась сесть красиво, вытянуть ноги, откинуться, но тут же осознала, насколько глупой, картинной выглядит эта поза. Да и неудобно.

Она привыкла сидеть иначе. И в конце концов Игорь сам сказал представить, будто его нет... он есть, где-то рядом, бродит, подыскивая нужный ракурс. Или это иначе называется? Главное, что Жанна чувствует его присутствие.

А надо забыть.

Сосредоточиться, к примеру, на пруде... Темная вода, не то сама по себе, не то из-за плитки, которой выложен пруд. Главное, что солнце вязнет в этой воде и до дна не добирается, и кажется, что дна этого вовсе нет.

Жанна вытянула руку, коснулась воды.

Теплая.

И от прикосновения ее разбегаются круги, тревожат редкую сыпь ряски. А рыбок нет... Наверное, спрятались? Или Жанна просто не видит. Она немного близорука, не настолько, чтобы носить очки или линзы, но достаточно, чтобы не разглядеть рыбок. И она щурится, вглядываясь в мутную воду, до рези в глазах, до слез почти. А рыбок все равно нет, зато вырисовывается что-то длинное, темное... странных очертаний, не то коряга, не то...

Крокодил?

Жанне самой смешно от такого предположения.

Откуда в домашнем прудике крокодилу взяться? Конечно, коряга, из тех, которые бросают в аквариумы... И наверное, она сможет дотянуться до этой самой коряги.

Зачем?

Просто так... или затем, чтобы убедиться, что никаких крокодилов здесь нет и быть не может. Жанна вновь коснулась воды... Здесь не глубоко.

И плавать она умеет.

И страх, который внезапно ожил, требуя немедленно встать и отойти от пруда, это глупость... чего бояться-то? День ведь. Игорь поблизости... затих... И обернуться бы, убедиться, что он где-то рядом, рисует, но это будет нарушением условий игры. Поэтому Жанна и разглядывает корягу.

Тянется.

Кладет раскрытую ладонь на темную гладь пруда. И пальцы уходят в теплую воду.

И сама Жанна едва не падает, но удерживается на краю... ненадолго удерживается. Тычок в плечо опрокидывает ее. Она падает, проваливается в воду, которая вовсе не теплая, но ледяная даже. И платье тотчас тяжелеет, опутывает саваном ноги, и Жанна, не успев испугаться, идет ко дну.

А дно далеко.

И она вдруг понимает, что тонет.

Пруд глубокий. И не пруд вовсе – колодец с черным зевом. И страх лишает разума. Жанна барахтается, бьет растопыренными пятернями воду, но та не поддается.

И ноги спутаны.

Она не выплывет, если ноги спутаны.

Воздуха нет... легкие огнем горят, а Жанна... Жанна, наверное, умирает... и вот-вот умрет... Она дергается, нелепо, некрасиво, в отчаянной попытке хоть как-то отсрочить неминуемую гибель...

Было бы можно, Жанна закричала бы, но крик лишен смысла.

Она почти сдалась, когда волосы ее вдруг зацепились за что-то, наверное, за ту корягу, которая... рванула вверх... и не коряга, но чьи-то руки... и Жанна, совершенно потерявшись от ужаса, попыталась вывернуться.

Не позволили.

Выдернули из пруда.

Швырнули на траву, такую зеленую и яркую, что от невыносимой яркости этого цвета Жанну стошнило.

Ее рвало кислой водой, которой Жанна наглоталась, и еще ряской, слизью... обедом недавним, а тот, кто вытащил ее – Жанна не видела его лица, только длинную тень, протянувшуюся по траве, – стоял и смотрел. А когда желудок успокоился и Жанна села – руки ее позорно дрожали, а на глаза навернулись слезы, – над головой раздался недовольный голос:

– В следующий раз, если захочется искупаться, воспользуйся бассейном.

– Я... я...

Жанна вытерла рот ладонью.

Что ей сказать?

Что купаться она не собиралась? И просто упала в пруд? За корягой полезла... и ее толкнули? А ведь толкнули, она не сама... она точно знает.

– Выглядишь жалко, – сказал Кирилл и, стянув рубашку, отжал ее. – Ты вообще о чем думала?

– Я... случайно упала.

– Случайно, – Кирилл фыркнул.

Он скинул ботинки, которые, пожалуй, можно было счесть безнадежно испорченными, и носки, и брюки стянул. Жанна поспешно отвернулась.

– Раздевайся, дура, – раздалось сзади. – И платье отожми. Или ты собираешься и дальше так вот...

– Отвернись.

– Чего я там не видел? Тем более что мы собираемся пожениться.

– Мы не собираемся пожениться. – Жанна попыталась отжать подол платья, но поняла, что снять его все-таки придется. И порадовалась, что белье тоже купила новое, почему-то

ей была отвратительна сама мысль о том, что Кирилл увидел бы ее в старом, пусть чистом, но изрядно заношенном белье. – Я пока не приняла твое предложение.

– Вот именно, что пока.

– Ты... ты самоуверенный.

– Приходится. Да не трясись ты, на вот, – он протянул пиджак. – До дома дойти сможешь?

– Да.

– Хорошо, значит, пойдем.

За руку взял, дернул, заставляя подняться, и повел, правда, не к дому, а к лавочке.

– Садись.

Жанна не села – упала. Почему-то именно сейчас она вдруг остро осознала, что едва не погибла.

Пруд выглядел... безопасно. Плитка. Вода. Стрекозы вот над поверхностью летают... солнышко светит ярко... воздух горячий, но это потому, что ей, Жанне, холодно. От холода она и дрожит так, что зубы клацают, и громко.

– Ну, успокойся уже. – Кирилл сел рядом и обнял как-то неловко, точно стесняясь. – Все закончилось хорошо... ну упала, бывает...

Он гладил Жанну по плечу, и от этого прикосновения дрожь становилась только сильнее.

– Я... я не сама... я неуклюжая, но я не сама... – Она резко выдохнула и стиснула кулаки, велев себе успокоиться. Всегда помогало, даже тогда, когда о маме сказали... или о папе, который ушел и не вернулся, упал на улице и умер.

Или когда вот с Ильей...

Она, Жанна, сильная, потому что у нее нет выбора, ей нельзя слабость проявлять.

– Не сама, значит, – Кирилл хмыкнул. Удивленным он не выглядел.

И смущенным.

И вообще со стороны все это... странно... сидят на лавочке вдвоем, а лавочка эта тесная, и сидеть приходится близко друг к другу... и на Жанне его пиджак. А сам Кирилл голый... ну почти голый.

– Краснеешь, – сказал он. – Значит, полегчало.

Жанна кивнула: и вправду полегчало.

– Рассказывай, – велел Кирилл, и Жанна, облизав губы, принялась говорить. Почему-то и мысли не возникло, что ему можно не рассказать.

Об обеде. Алле и Игоре. О прогулке.

Лабиринте.

Прудике этом, у которого Игорь хотел Жанну нарисовать... о просьбе его... о рыбках и коряжине... и о том, что кто-то Жанну толкнул... Она не ошиблась, но и не видела этого человека.

– Ты мне не веришь? – спросила Жанна, обнимая себя. Вновь стало холодно.

И страшно.

И чем дальше она думала, тем меньше походило все на дурную шутку. Ее убить пытались...

– Успокойся, – жестко отрезал Кирилл, и Жанна подчинилась. Ему было легко подчиняться. И вообще тянуло вдруг представить себя слабой, беспомощной, переложив все проблемы на Кирилловы плечи. Вон какие широкие...

...и загорелые.

– Убийство... – Кирилл произнес это слово вслух, и стало холодно. – На запланированное убийство вряд ли похоже... скорее уж на спонтанный порыв. Кто-то увидел, как

ты сидишь, подошел и столкнул... Если бы и вправду хотел убить, то оглушил бы... или постоял, проверяя, не выплывешь ли ты. А здесь никого не было.

Никого.

А должен был быть Игорь.

И сам Кирилл, откуда он взялся? Жанна постаралась думать логически, хотя это у нее никогда не выходило, но... ее столкнули, а потом вытянули. Сколько она пробыла под водой? Минуту? Меньше минуты? За минуту человек захлебнуться способен, а она...

Полминуты не так уж мало.

Ее несостоявшийся убийца сбежал. А Кирилл, напротив, появился и героически спас.

Или не героически?

А если он сам... Зачем?

Хотя бы затем, чтобы Жанна к нему благодарностью прониклась и приняла безумное это предложение... или не приняла, но задумалась.

– Это не я. – Кирилл встал.

– Ты...

– Мыслей не читаю, но у тебя на лице все написано. Я и вправду уезжал, решал кое-какие вопросы. Алиция Виссарионовна теперь редко отсюда выбирается, а дела не ждут. Вернулся. И узнал, что ты пошла с Игорьком гулять.

– И отправился следом.

– Именно.

– Зачем?

Промолчит? Отшутится? Или соврет? Жанна вряд ли сумеет поймать его на лжи, она и Илье верила-то, а уж этому...

– Затем, чтобы приглядеть за тобой. Ну и за Игорьком тоже. Он вовсе не та несчастная сиротка, которой любит представляться. – Кирилл поднялся. – Мне не хотелось, чтобы он ненароком тебя напугал.

– Чем? И... где он?

Кирилл пожал плечами, но удивленным или обеспокоенным он не выглядел.

– Ушел скорее всего.

– Куда?

– Увидишь – спроси, но... Жанна, осторожней. Здесь люди вовсе не такие, какими кажутся. Игорек не только и не столько от запоев лечился. Он действительно болен. Психически, я имею в виду.

Болен психически?

Он выглядел совершенно здоровым и...

Кирилл одевался. Одежда была мокрой, и он морщился, но возился что с брюками, что с рубашкой.

– Помоги, пожалуйста, – наконец, сдался он. – У меня пальцы... После аварии рука не очень хорошо слушается.

– Какой аварии?

Наверное, о таком спрашивать не следовало, слишком личное, поскольку лицо Кирилла переменилось, мелькнуло на нем что-то этакое, страшное.

– У меня родители в аварии погибли. И мне досталось. Теперь вот... Не думай, я не калека. С калекой она не стала бы связываться. Просто проблемы с мелкой моторикой.

Он стиснул руку в кулак.

– Не важно...

– Стой смирно. – Рубашка была влажной и прилипла к Кирилловой коже, которая, смуглая, просвечивала сквозь ткань. Мелкие пуговицы, тугие петли, и Жанна с ними справляется с трудом.

– Вот жалеть меня не надо!

– Я и не собираюсь. Игорь не выглядит больным...

– Именно, что не выглядит. Меня уверили, что он совершенно безопасен. И мыслит вполне ясно, но иногда... на него находит. Настроение меняется на раз. То он смеется, то вдруг ударяется в слезы, жаловаться начинает... и то, о чем он рассказывал... его мать покончила с собой. Никто не знает наверняка, но мне кажется, что и она была несколько не в себе.

Кирилл говорил, не глядя на Жанну.

Неловкая ситуация. А пуговицы эти... Зачем он покупал рубашку с настолько мелкими пуговицами? И вообще, какой смысл во всем этом одевании, если до дома идти недалеко?

– Ее последние картины – полное безумие... хотя я ничего в живописи не понимаю. А отец Игорька и вовсе на игле сидел.

– Думаешь, это он меня...

– Возможно. – Кирилл протянул руку, чтобы Жанна застегнула манжет. – А может, и нет. В его характере завести тебя сюда, посадить, а потом уйти.

– Бросить?

– Жанна, он... не думаю, что он хотел над тобой поиздеваться...

А ей все представлялось именно издевательством. Завести в самый центр лабиринта и бросить.

– У него просто настроение сменилось. Или он вообще о тебе забыл. Или...

– Или столкнул в воду.

– Возможно.

– И что мне теперь делать?

Кирилл усмехнулся и ответил:

– Ничего. Держаться от дорогих родственников подальше. И переодеться...

Их возвращение в дом не осталось незамеченным.

– Боже мой, – с притворной радостью воскликнула Алла. – Какая неожиданная встреча!

И окинула Жанну таким взглядом, что жарко стало.

– И позволено будет узнать, где вы... были? – Алла обращалась к Кириллу.

– Нет.

– Кирочка, думаешь, что если охмуришь эту... это недоразумение, то старуха сделает наследником тебя? А на твоём месте, дорогая, я бы не особо ему доверяла: наш Кирочка – себе на уме.

В этом Жанна ни секунды не сомневалась.

– Извините, – она сняла пиджак. – Я, пожалуй, пойду переоденусь и...

– Иди, дорогая, иди... переоденься... а мы тут побеседуем.

Жанна по лестнице не поднялась – взлетела и все-таки на вершине лестницы задержалась ненадолго. Подслушивать нехорошо, но...

– Кирилл, – Алла говорила громко, показалось даже, нарочито громко, – что ты творишь?

– Что я творю?

– В таком виде... с этой девицей... Что о тебе могут подумать?

– Действительно, что?

– Ты издеваешься?

– Ну что ты, дорогая, издеваться над ближними – твоя прерогатива. А теперь позволь мне пройти.

– Ты сволочь, знаешь?

– Знаю.

– Ты... Еще не так давно ты, кажется, говорил, что любишь меня...

– Тебе напомнить, что именно ты ответила?

– Я... я просто тебя проверяла, – прозвучало неискренне. – А ты...

– Считай, что я не выдержал проверки.

Жанна успела спрятаться в своей комнате до того, как он поднялся. И дверь закрыла. И к двери прижалась. До чего все глупо.

Странно.

И вместе с тем страшно. Сердце колотилось, как безумное.

Кому верить?

Никому.

Игорь, который более ненормален, чем ей представлялось. Он ведь ушел, бросил... в лучшем случае просто ушел и бросил, а в худшем – столкнул в пруд... а потом сбежал, позволив ей тонуть. Она и утонула бы, если бы не Кирилл.

Вот только спаситель ли он?

Если шел за ними с Игорем, то... то почему не окликнул Жанну? Ему выгодно представиться спасителем... и тогда все это утопление – не более чем игра.

Жестоко.

Надо бежать из этого дома, вот только невозможно. Жанна обещала, что проведет здесь выходные, а потом... если Алиция Виссарионовна попросит, то... откажется?

Как отказать умирающему человеку, пусть он и не походит на умирающего?

Жанна не знала.

Она села на пол и всхлипнула от жалости к себе. Обняла себя и так сидела, показалось – целую вечность, но на белых круглых часах минутная стрелка и не сдвинулась.

Надо взять себя в руки.

Умыться. Переодеться. И притвориться, что все в полном порядке. Притворяться Жанна не очень хорошо умела, но если другие смогут, то и она... Почему нет?

Из душа она вышла, почти успокоившись, убедив себя, что то происшествие – случайность, чья-то злая шутка, которая не повторится, хотя бы потому, что Жанна не позволит ее повторить.

На стеклянном столике, на белой салфетке, раскинув черные крылья, лежала птица, огромная, некрасивая.

Мертвая.

Жанна сделала глубокий вдох, чтобы не закричать. И выдохнула. Закрыла глаза. Открыла. Птица никуда не исчезла.

Из раззявленного клюва ее выглядывал клоч бумаги.

Наверное, ничего не следовало трогать, и в ином случае Жанна в жизни не прикоснулась бы к дохлой птице, но сейчас она не могла отвести взгляда от этой бумаги. И руку протянула, зацепила за уголок, стараясь не прикоснуться к птице. Трубочка выскользнула, развернулась. Белый лист и крупные фиолетовые буквы:

«Убирайся. А то пожалеешь».

После отъезда Жанны жизнь в замке Машекуль вернулась в прежнее свое полусонное русло. Пожалуй, помимо самого Жюля, никто не ощутил перемен.

Разве что старик.

Теперь он почти все свободное время проводил рядом с Жилем, самолично занявшись его воспитанием. Дед был...

Требователен?

Пожалуй.

Он пребывал в некой странной уверенности, что Жиль должен знать едва ли не все.

Греческий.

Латынь, будто Жиль церковник какой... итальянский, английский... письмо и чтение... манускрипты, которые дед приносил и уносил, давал в руки под строгим присмотром, и Жиль крепко подозревал, что не все из этих самых манускриптов были разрешенными.

Нет, он, конечно, не подозревал деда в чернокнижии, но... неожиданно тот оказался хорошим рассказчиком. Это Жиль понял уже позже, когда нашел в себе силы примириться и с такими переменами в собственной жизни, и с исчезновением Жанны.

О ней дед заговорил лишь однажды.

— Эта девчонка меченая, — произнес он, раздраженно стукнув тростью по полу. Осень стояла сырая и дождливая, как то в принципе полагается осени. И по замку Машекуль гуляли сквозняки. От них и еще от сырости дедовы кости начинали болеть.

— Кем меченная?

Жиль с преогромным удовольствием отложил Священное Писание, которое, в отличие от иных дедовых манускриптов, было удручающе скучным.

— А вот тут, дорогой, так сразу и не скажешь...

— Она ангелов слышит.

— И Светоносный был ангелом, — наставительно заметил дед, перекрестившись. Врага рода человеческого он никогда не именовал ни сатаной, ни дьяволом, полагая, что сии имена ему вовсе не по вкусу, а потому с легкостью привлекут внимание иных, запретных сил. — Запомни, Жиль, они хитры... они играют в собственную игру, в которой человек и душа человеческая — это монетка...

— Но отец...

— Твой святоша не способен думать, — дед постучал пальцем по лбу. — Большинство из них выучат десяток псалмов наизусть и мнят себя просветленными. Нет, не в том истинное просветление, чтоб латинские слова тарабанить, в смысл не вникая... Путь познания опасен.

Жиль молчал, глядя на деда, всецело погруженного в собственные мысли. Тот выглядел старым, больным.

...А говорят, что он в своей башне целую алхимическую лабораторию обустроил и проводит там всякие богопротивные опыты. И врут, конечно, потому как ежели бы правдой сие было, разве бы стал молчать замковый капеллан?

Или стал бы? Он толст и немолод, трусоват. Горазд обличать грехи с амвона, но вовсе не желает ввязаться в настоящую битву со злом. Он и с собственными-то грехами чревоугодия и винопития сразиться не способен.

Откуда взялись эти мысли? Жилевы, но какие-то чересчур уж серьезные.

— Человеку свойственно искать. Одни ищут богатства, другие — власти, третьи — знания. И этот путь, Жиль, более опасен, нежели любой иной. — Дед присел в кресло. Обитое красным бархатом, тяжелое, оно было чересчур велико для деда.

— А ты... ты тоже искал знания?

— Искал, — дед склонил голову. — И ищу. И терзаюсь сомнениями... глядя на тебя.

— На меня?

В этот миг Жиль осознал, что вовсе не знает этого человека.

— Мне хочется, чтобы ты продолжил мои изыскания, — признался дед. — И в то же время меня страшит то, куда этот путь способен привести. Но любой выбор следует делать с открытыми глазами...

Он замолчал и долго сидел, уставившись на собственные руки, которые были грубыми и темными, руками скорее воина, нежели ученого.

— Знание и вера, — наконец произнес дед. — Всегда или знание... или вера... Вера слепа. Вера ревнива. Твоя подружка верит, будто слышит голоса ангелов. Быть может, оно и

так... Быть может, мне в моей грешной жизни случилось встретить истинную святую... только вот я слишком стар, чтобы не бояться чуда.

– Почему чудес надобно бояться?

– Хороший вопрос, Жиль. – Дед потер массивную переносицу, на которой белел старый ирам. – Чудеса укрепляют веру. А вера лишает человека даже не знания – познания. Она всецело подчиняет тому, во что он верит... в кого он верит... Абсолютная вера сродни абсолютному рабству.

Дед потер колено.

– Раб не способен мыслить. У него нет ни морали, ни права на нее. Раб делает то, что приказывает ему хозяин...

Это прозвучало страшно.

– Но разве Церковь не учит нас верить...

– В Господа? Или в Церковь? – кривовато усмехнулся дед. – Господь не требует многого... в отличие от Церкви, которая одну веру прикрывает иной.

Жиль не знал, что ответить, но ответа от него и не ждали.

– Нет, мальчик мой, вера хороша для подчинения... сервы верят, что власть от Бога, и терпят... верят, что после смерти за терпение это им воздастся. Они несут к дверям церкви не только молитвы, но яйца, гусей, мед и хлеб. Деньги, которые Господу точно без надобности, но простые люди верят, что должны платить Церкви за право молиться...

И дед прижал раскрытую ладонь к груди.

– Это опасные речи, Жиль...

– Я понимаю.

– Хорошо, что понимаешь. Церковь сильна. И власти имеет больше, нежели король... Король ныне власти вовсе не имеет, потому нам и приходится делать вид, что мы согласны верить по их правилам. И потому Церковь столь ненавидит всякое знание, объявляя его греховным, что человек мыслящий не будет мыслить лишь в их канонах... Вот так.

Все это было сложно и... интересно. Пожалуй, впервые дед говорил с Жилем как с равным.

– Жанна... верит?

– Именно, мальчик мой. Я не знаю, слышит ли она голоса ангелов. Или же ей кажется, что она их слышит. Но она верит в то, что ангелы говорят с ней... и верит, что каждое сказанное ими слово – истина. Сию истину она не станет подвергать сомнению. Более того, всякий, кто попытается это сделать, станет для Жанны врагом. Люди, которые живут лишь верой, боятся всего, что эту веру способно разрушить. А страх порой заставляет делать ужасные вещи... потому я и отослал ее. Понимаешь?

– Кажется, да... дедушка.

– Вот и хорошо. Налей мне вина.

Жиль поспешил исполнить просьбу и, подав бокал, спросил:

– Я не хочу быть слепым.

– Ты и не будешь, – пообещал дед. – Я учу тебя... и думается, что научу. Но будь осторожен. На пути знания множество искушений. Иные знания опасны... да...

Дед не пил вино, но смотрел в кубок. И Жиль заглянул. Вино показалось темным, густым, будто и не вино, а кровь.

– Скоро мы уедем, – произнес дед. С ним случалось менять тему беседы резко. – Здесь мне тесно...

– Куда?

– Тиффож... пора тебе учиться...

– Я учусь! – Жиль побледнел, представив, что предстоит учиться еще больше.

– Не тому, – дед усмехнулся. – Учиться быть воином... В нашем роду трусов не было, Жиль...

Птицу она оставила, а вот записку, свернув, сунула в карман халата.

Спихватилась – в этом доме, надо полагать, не принято разгуливать в подобном виде. Переоделась, натянув старые, разношенные и тем удобные джинсы. Майку схватила наугад.

Руки дрожали.

Птица ведь не исчезла, лежала... Кто ее принес?

И когда?

Нет, когда – понятно, Жанна в это время в душе была. Правильно, она зашла в комнату, и... и птицы не было. Жанна ее заметила бы, а раз не заметила, то, значит, птицы определенно не было. Жанна отправилась в душ, и в это время кто-то...

Кто?

Кто угодно. Гадать она может долго. И кажется, единственный человек, к которому Жанна не то чтобы доверием прониклась, но явно не желающий, чтобы она уезжала, – это Кирилл. И если так, то следует с ним побеседовать...

В коридор Жанна выглянула осторожно, опасаясь... сама не зная чего, но все одно опасаясь – родственники вели себя слишком уж непредсказуемо. Но коридор был пуст. И куда идти? У кого спросить, чтобы...

К счастью, первой, на кого Жанна наткнулась, была горничная, которая к просьбе отнеслась с пониманием. И Жанну проводила.

Комнаты Кирилла располагались в восточном крыле, рядом с покоями Алиции Виссарионовны, о чем горничная предупредила шепотом, точно опасалась, что их подслушают.

Уверенность Жанны в том, что беседа эта необходима, таяла с каждым шагом. И когда горничная ушла, верно, рассудив, что, что бы там гостя ни задумала, ее это не касается, Жанна отступила.

Птица?

Не так уж и страшно... Дети, случалось, подбрасывали в стол и мышей, и жабу живую, огромную... а дохлая птица – всего-навсего неприятность. В мусорное ведро ее отправить... ну или, наплевав на все правила приличий, вовсе из окна выбросить.

Кирилл же...

Постучать Жанна не успела, как и уйти из этого, заповедного, крыла, когда дверь открылась, едва не стукнув ее по лбу.

– Привет, – только и сумела сказать она.

– И тебе здравствуй, – ответил Кирилл. – Что случилось?

– А... с чего ты взял, что что-то случилось?

– Ну... – он пожал плечами. – Мне кажется, что просто по мне соскучиться ты не успела.

Вместо ответа Жанна протянула записку.

– Даже так... – Кириллу хватило одного взгляда. – Под дверь подсунули?

Она покачала головой и, вздохнув, призналась:

– Птицу дохлую подбросили... на стол... грача. Большого такого, черного... а в клюве вот... и... мне, наверное, стоит уехать, но...

– Проходи, – Кирилл посторонился, пропуская Жанну. – Гостем будешь...

– Спасибо, я и так, кажется, слишком... загостилась.

– Заходи. – Он явно не привык к отказам и, взяв за плечи, подтолкнул Жанну к двери. – Чаю попьешь, успокоишься. А заодно и поговорим.

Отказаться от приглашения не выйдет, это Жанна осознала ясно. И дверь за спиной закрылась с глухим звуком.

– Садись куда-нибудь...

...Здесь не было ни приторной белизны, ни хрома.

Огромные окна. Тяжелые гардины. Бархат и атлас. Ковер восточный, узорчатый.

Напольные часы с боем.

И Кирилл, который в этот традиционный, если не сказать устаревший, интерьер вписывался чудеснейшим образом.

– Твой отъезд ничего не изменит. – Он сел в кресло, которое больше походило на трон.

– Почему?

Жанна устроилась на диванчике.

Неуютно.

Она лишняя в этой комнате, но... если уйти отсюда, то придется вернуться к себе, а там дохлый грач и, может быть, не только он.

– Потому что ты уже появилась, – сказал Кирилл так, будто эта фраза объясняла все. Для него, быть может, и объясняла, но не для Жанны.

– Не понимаю...

– Алиция Виссарионовна тебя видела. И признала. И даже если ты сейчас соберешь сумки и исчезнешь, ты останешься в ее памяти. И, что куда хуже, в ее планах. Это понимают все, кроме тебя. Ты можешь бежать, но она своего решения, какое бы оно ни было, не изменит.

Кирилл вздохнул и стиснул кулаки.

Ему обидно, наверное. Он ведь жил в этом доме и работал на износ, как для себя, а получалось, что вовсе не для себя, что, несмотря на все старания, ему не стать наследником. И быть может, именно его удел – компенсация и благодарность.

Почетная отставка.

– Тогда зачем это все?

– А здесь вопрос сложный – зачем... Первая версия: чтобы ты нервничать начала. Где нервы – там истерика. Алиция Виссарионовна на дух истеричек не выносит.

Нервы? Истерика?

Нервы у Жанны были, она помнила, что были... и нервы эти отзывались на боль бессонницей. Сначала, когда родителей не стало... потом Илья... и, наверное, больно было не столько из-за того, что он обманул, втравил ее в дело с кредитом, сколько потому, что Жанна позволила себе поверить, что может быть счастлива.

– Держись, – удовлетворенно произнес Кирилл. – И это хорошо...

Держится. И злится. За Жанной такое водилось прежде. Злость, которую она испытывала, была чувством иррациональным, не поддающимся объяснению. Она не туманила разум, но, напротив, делала его ясным. Злость подсказывала правильные вопросы.

И чутье обостряла до предела. И сейчас это самое чутье говорило, что Кирилл не все рассказал.

– А вторая версия? – Жанна провела ладонью по обивке дивана.

Неровная.

Плотная ткань, гладкий шелк вышивки. Птицы и цветы, цветы и птицы... сельская пастораль какая-то.

– Вторая... – Кирилл смерил ее внимательным взглядом. – Со второй сложнее... Быть может, эта вторая версия мне и вовсе примерещилась...

Замолчал. И эта пауза – негласное предложение отступить, принять как данность первый, весьма логичный, удобный даже вариант.

– Излагай, – велела Жанна. А ее собеседник вдруг усмехнулся:

– Ты похожа на нее сильнее, чем мне показалось вначале. Правда, я не уверен, что это хорошо... Она порой... совершенно невыносима.

– Ты про Алицию Виссарионовну?

– Да.

– Ты ее любишь?

– Сложный вопрос... Было время, когда я ее ненавидел. А теперь... не знаю. Она то, что есть. И она сделала меня таким, каков я есть. И пока я не знаю, сказать ей спасибо за это или проклясть... поэтому давай-ка лучше к делу вернемся. Твои родители умерли три года тому назад, верно?

– А какое это имеет отношение...

– Просто ответь.

– Да.

– А четыре года тому назад повесилась мать Игорька... два года назад... у Николаши имелась сестра-близнец. Валентина. – Кирилл произнес это имя странным тоном. И подлокотники стиснул, сильно, до побелевших пальцев. – Она... мы пригласовали... Она была очень талантлива. Химик... Ей пророчили блестящее будущее... приглашали в Оксфорд... и она приняла бы приглашение, потому что... да не важно, главное, что Алиция Виссарионовна ее любила. Любовь у нее своеобразная весьма, но у Вали хватало сил отвоевать право на свою жизнь... И пояс достался бы ей, тут и думать нечего.

– Что случилось?

Жанна уже знает что, и Кирилл, болезненно скривившись, подтверждает догадку:

– Она умерла. Передозировка...

– Она...

– Нет! – Он вскочил и, заложив руки за спину, принялся мерить комнату шагами. – Валя никогда... она и не пила. Она говорила, что, выпив, теряет ясность мышления. А это ее угнетало. Поэтому все, что накопили... якобы давно сидела на игле... чушь невероятная.

– Но в нее поверили?

– Да, – тихо сказал Кирилл. – Я нанял людей, чтобы разобраться во всем, но... они ничего не нашли.

Может, потому, что искать было нечего.

Он ведь любил эту Валентину, наверное, тайно, издали... а быть может, и не тайно, но любовь застилает глаза, Жанне ли не знать? Она бы тоже не поверила, скажи ей тогда, что Илья – вовсе не талантливый бизнесмен, а альфонс и мошенник, что не будет у них никакой свадьбы и жизни совместной, которая до гроба, тоже...

– Я не ты, – огрызнулся Кирилл, хотя Жанна и слова не произнесла. – Я... Просто поверь, она никогда бы не прикоснулась к наркотикам. Ее убили... их всех убили...

– У мамы был рак.

– Полагаю, не только. Сколько она протянула? Полгода? Ничтожно мало... хотя, может, и совпадение... иногда сгорают быстро. Главное, что и ее не стало... Это похоже на паранойю, верно?

Жанна кивнула: очень даже похоже.

– Рак у Алиции диагностировали пять лет тому... тогда ей давали года полтора-два... и Алиция впервые заговорила о завещании.

– Ты думаешь...

– Три смерти, Жанна. Сначала Галина. Евгения. Валентина...

– И потом тишина...

– Именно... Ладно, допустим, о Евгении забыли и ее смерть действительно была случайностью. – Кирилл был хмур. – О ней просто забыли, иначе, полагаю, избавились бы и от тебя, а ты жива...

– Какая радость!

– Радость. И неплохой шанс...

– Для чего?

То, до чего сама Жанна додумалась, ей категорически не нравилось, и она очень надеялась, что в мыслях своих ошиблась. Но Кирилл ждал. Смотрел. Усмехался. И усмешка эта, неровная, едкая, донельзя ее раздражала.

– Ты же понимаешь, что, если бы я сегодня не оказался у пруда...

Имел бы место очередной несчастный случай. Неосторожная гостя решила искупаться... или нет, просто поскользнулась, упала и утонула.

– Меня хотят убить. – Жанна сама удивилась своему спокойствию.

– Хотят, – согласился Кирилл. – Ты, главное, не нервничай.

Легко ему говорить.

Ей хотелось взять со столика вещицу потяжелей, например нефритовое пресс-папье... или декоративную чернильницу в виде лежащего льва... или еще что-нибудь, но главное, взять и обрушить на макушку Кирилла.

Глядишь, тогда в его голове прояснится.

Это ведь он виноват!

– Ты... – Жанна сделала глубокий вдох и, вытянув руку, ткнула Кириллу в грудь пальцем: – Ты знал! Знал, что все так и будет! Что меня... что я... ты подсказал Алиции Виссарионовне эту мысль... найти мою маму... ты сам сказал.

Он не собирался ни отрицать, ни оправдываться.

– Ты знал, что мама уже умерла, но есть я и...

– И твои денежные проблемы, которые я разрешил, – очень жестко отрезал Кирилл. – Или ты думаешь, что старуха предложила бы тебе помощь? Нет, предложила бы, но потом, когда ты сама пришла бы о ней просить. И сначала вынула бы тебе душу, не раз и не два носом макнув в твои же ошибки. И ты бы возненавидела ее, а еще себя, потому что помощь была бы тебе нужна.

– Я не просила...

– Именно. Ты не просила. Я просил. – Кирилл вернулся в кресло и сел, руки сцепил замком. Голову наклонил, разглядывал Жанну мрачно, серьезно. – Я пришел к ней и попросил за тебя. Сказал, что... что, возможно, твоя мать настроила тебя против семьи. И что ты вполне способна надеть глупостей. Напомнил о том, к чему привела гордость. И если ты думаешь, что это было легко, то ошибаешься.

Жанна хотела было повторить, что, опять же, не просила его о такой услуге, но прикусила язык.

– И да, ты знать не знала, но... подумай сама, что тебя ждало? Работа в две смены? Продавщица и уборщица? И как надолго тебя хватило бы? Ты прожила так полгода и сейчас, положи руку на сердце, скажи, что готова была и дальше...

– Готова...

– Если готова, то... возвращайся. Собирай вещи. Я довезу до города. Высажу. Деньги будешь возвращать мне, правда, в отличие от банка, я проценты выставять не стану...

– Кирилл...

– Что?

– Успокойся.

– Я спокоен.

– Врешь, – Жанна потерла виски пальцами, – ты неспокоен. И я тоже. И, наверное, у нас есть причины, но это еще не повод... срываться. Деньги я верну, не волнуйся...

Он молчал несколько секунд, явно собираясь с ответом, потом произнес тихо:

– Эта история меня вымотала совершенно... Три месяца назад мой старый товарищ... из тех, которые действительно старые и товарищи, отравился алкоголем. Он почти не пил...

а тут повод... удачная сделка... у него бизнес. Не такой, как у Алиции, но ведь дело не в размерах.

Кирилл положил руки на подлокотники кресла.

– Главное, что он решил шикануть: достал бутылку коньяка... очень хорошего и очень дорогого коньяка. И на двоих с... Метиловый спирт. Обоих хоронили. Решили, что коньяк – подделка.

– А он настоящий?

– Настоящий. – Кирилл отвернулся к окну. – Я ему эту бутылку привез неделей ранее. У меня день рождения был. Решил вот... отпраздновать. Но только приехал, как Алиция позвонила... срочное дело. Помнится, я зол был страшно, что даже на один вечер она меня в покое оставить не способна, а выходит, она вновь меня спасла.

Жанна молчала, ожидая продолжения, и Кирилл продолжил:

– Я эту бутылку из Франции привез... мне ее хозяин винодельни вручил... дружеский подарок.

– О нем знали?

– Знали, конечно. Николаша предложил дегустацию устроить, а я... Мне с ним пить не хотелось. Я вообще пью очень редко. А тут тридцатник на носу, вот и вырвалось, что это мне на день рождения...

– Тогда получается...

– Именно, что получается...

– А полиции ты говорил?

Кирилл пожал плечами. Значит, не говорил.

– Я знаю, что мне ответили бы. Ту бутылку подменили. Ну или выпили французский коньячок, а влили паленый. Никакого преступного замысла, одно трагическое совпадение. А месяц назад у машины тормоза отказали. Мне снова повезло, что... в общем, я не успел скорость набрать, в дерево въехал. Отделался легким сотрясением.

– И ты думаешь...

– Я не думаю. Я знаю, что моя машина была в порядке. Видишь ли, Жанна... – Кирилл поднял левую руку и пошевелил пальцами. – Дело в том, что после той аварии, когда... когда родителей не стало, я к машинам отношусь, скажем так, с немалым предубеждением.

Он их боится.

Но и боится признаться в этом своем страхе. И наверняка каждая поездка стоит ему немалых нервов, а ездить приходится часто, и Кирилл привык бороться с собой.

– Я проверял ее раз в месяц. Иногда чаще. С тормозами все было в порядке.

– То есть...

Нет, с коньяком могла выйти ошибка.

Или и вправду подменили. Насколько Жанна успела понять, в этом доме могло случиться и не такое. Но вот машина...

– Две недели назад, – очень спокойно продолжил Кирилл, и лишь побелевшие от напряжения пальцы выдавали волнение, – мой жеребец понес...

У него еще и жеребец имеется?

И Кирилл, прочтя невысказанный вопрос, кивнул:

– Алиция Виссарионовна настояла, чтобы я занялся верховой ездой. Мне понравилось. Редкий случай... но не в этом дело. Недалеко есть конюшни, где Алиция Виссарионовна держит пару лошадей, я предпочитаю брать Байкала. Немолодой, но покладистый. Мы с ним неплохо ладим, привыкли друг к другу.

– Он не мог сам...

– Не мог, – подтвердил Кирилл. – Да и я неплохо в седле держусь, тем и спасся... В коня выстрелили дротиком. Самодельным. Швейная игла и пара перьев. Болезненно. Бес-

смысленно. Списали все на проделки мальчишек, хотя территория комплекса охраняется и никаких мальчишек, кроме тех, что на конюшнях работают, там нет. А эти мальчишки лошадей никогда не обижают. Вот такие дела, Жанна.

Он вновь поднялся, на сей раз двигаясь медленно, устало.

– Байкал сломал ногу. Пришлось усыпить. А я едва не сломал шею. Он знал, как мы поедем. Боюсь, я человек привычки и трассу выбираю одну и ту же. Длинная и живописная. Там есть место, где дорожка поднимается над берегом озера. Красиво. Обрыв. Вода. Камни.

Кирилл потер шею, кажется, вновь представив, как с конем летит с этого обрыва на упомянутые им же камни.

– Один шаг в сторону, и...

– И ты решил найти убийцу? – Жанна сочувствовала ему.

Немного.

Но этого сочувствия было недостаточно, чтобы унять раздражение. Она, Жанна, жила себе спокойно... Ладно, относительно спокойно, были проблемы, но понятные. Никакого наследства, никаких родственников, никаких попыток убийства.

– Я давно хотел его найти, но теперь понял, что он спешит. Или она... скорее она.

– Алла или...

– Или. – Кирилл остановился у окна, наклонился, подался вперед, сгорбился некрасиво. – Ольга ради детей пойдет на все. А она чувствует, что старуха этих детей не оценит. И да, она права... Алиция видит, какие они на самом деле. И завещание написано. Это треклятое завещание написано давно, она время от времени вспоминает о нем, дразнит всех... стаю голодных собак костью... а они и рады, гавкают, захлебываются слюной, готовы друг другу глотки перервать... чего ради?

– Это ты мне скажи, чего ради. – Жанна тоже встала.

Странно, но этот разговор, который должен был бы добавить ей вопросов и сомнений, успокоил ее.

– Деньги... из-за них все... но мы ведь не о том, Жанна. Я предлагаю тебе союз. Ты остаешься здесь на некоторое время... просто остаешься.

– В роли приманки?

– Можно сказать и так. Главное, ты отвлекаешь внимание, а я... я понаблюдаю со стороны.

– С чего ты решил, что...

– Пруд.

– Это случайность!

– Случайность. Возможно. А быть может, удобный случай, которым воспользовались. И уверен, Жанна, тебя ждет множество самых удобных случаев... и если поблизости не найдется никого, кто бы за тобой присмотрел...

– Угрожаешь?

– Пользуюсь ситуацией.

– Ты... сволочь.

– Пожалуй, – согласился Кирилл, глядя... с насмешкой?

– Я могу...

– Пожаловаться? – Кирилл приподнял бровь. – Неудачная идея. Во-первых, Алиция терпеть не может жалоб и жалобщиков. Во-вторых... Что ты расскажешь? Сплетни? Версию, шаткую, что воздушный замок? В лучшем случае над тобой посмеются. Смеяться здесь любят. В худшем объявят параноиком. А паранойя – душевная болезнь...

– Сволочь.

– Повторяешься. – Он взял Жанну за руку, сдвинул легонько.

Наклонился, касаясь губами кожи.

Вдохнул.

И выдохнул, опалив дыханием.

– Но я очень обаятельная и изворотливая сволочь, Жанна. Поэтому и предлагаю: давай дружить.

Следующие несколько дней прошли в тишине и притворном спокойствии. Жанна чувствовала напряжение, которое проскальзывало в едких замечаниях Аллочки, категорически недовольной появлением соперницы, в притворном дружелюбии Ольги, в равнодушии Игоря, который сделал вид, что ничего не произошло, и лишь сторонился Жанны.

Алиция Виссарионовна более не делала попыток побеседовать, напротив, она словно позабыла о существовании Жанны.

Сегодняшний вечер не стал исключением.

Жанна начала потихоньку ненавидеть эти семейные вечера.

Очередная гостиная.

И Ольга играет на фортепьяно пьеску.

Алла что-то читает, устроившись в низком кресле, брат ее занял место в углу, он вообще тяготел к таким вот удаленным спокойным местам, и в чем-то Жанна его понимала.

Николай сидел сгорбившись, прикрывая ладонью блокнот, и что-то быстро старательно черкал, шевеля при том губами. Стоило кому-то из семейства подойти ближе чем на три шага, и широкая ладонь Николая накрывала записи.

Игорек расхаживал по гостиной, что-то бормоча и размахивая руками, при том выглядел он сущим безумцем. Был ли им?

Жанна листала книгу, с каким-то особым, извращенным удовольствием разделяя слипшиеся страницы. А в текст почти не вглядывалась.

– Жанна, не горбись. – Сама Алиция Виссарионовна держала идеальную осанку. – Не представляю, о чем думала Женечка, воспитывая тебя...

Жанна молча выпрямилась, она уже усвоила, что перечить бабке – себе дороже.

– Что ты читаешь?

– «Гордость и предубеждение». – Жанна подняла томик, продемонстрировав заголовок.

– Сентиментальная чушь, – поморщилась Алиция Виссарионовна.

– Классика.

– От этого она не перестает быть сентиментальной чушью, – с легкостью отмахнулась Алиция Виссарионовна. – Подобные книги вредны.

– Почему?

Ольга прекратила играть, видимо решив, что все одно ее не слушают. А может, нынешняя беседа, в отличие от предыдущих, заинтересовала ее.

– Потому что они искажают представление о мире. – Алиция Виссарионовна стукнула тростью о пол. – Сентиментальные романы нужны сентиментальным дурочкам, которые не способны смириться с объективной реальностью.

Жанна почувствовала, как у нее загораются уши.

– Полагаете, женщины должны читать исключительно «Домострой»? – вдруг подал голос Николай. И блокнот свой на всякий случай прикрыл ладонью.

– Некоторым не мешало бы и прочесть, – Алиция Виссарионовна ответила неожиданно мягко. – Глядишь, в голове бы прояснилось, а то... сначала начитаются о великой любви, потом гробят себя, эту любовь выискивая... и находят на свою задницу...

– Мама, как грубо!

– Зато верно. – Алиция Виссарионовна прислонила трость к столику.

Сегодня она оделась в бирюзовых тонах. И ей идет, что цвет, что само платье, строгое, но вместе с тем изящное. И не выглядит она старухой, а действительно женщиной эlegantного возраста.

– Взять хотя бы Женечку... Что ей дала эта ее неземная любовь?

– Счастье, – тихо ответила Жанна.

– Счастье? – переспросила Алиция Виссарионовна, нехорошо усмехнувшись. – Деточка, а ты уверена, что она и вправду была счастлива? Потому как быть и казаться – разные вещи... Ну ладно, о ней мы можем теоретизировать долго, но правды так и не узнаем. Возьмем лучше тебя...

Жанне совершенно не хотелось, чтобы брали ее, вот только родичи теперь не отступят. И Ольга развернулась, позабыв о музыке, и Алла, предчувствуя потеху, отложила книгу. Игорек и тот замер, уставился на Жанну жадным взглядом.

Сумасшедший.

Определенно, сумасшедший, а ведь казался таким... нормальным.

– Скажи, ты была счастлива с тем... проходимцем. Как его звали?

– Илья, – покорно сказала Жанна. И, отвечая на вопрос, подтвердила: – Да. Была.

– И как долго?

– Полгода.

– Полгода... – протянула Алла с насмешкой. – А дальше?

– А дальше, – Алиция Виссарионовна сочла нужным самой ответить, – у счастья вышел лимит. И пришло время оплаты... Сколько бы ты рассчитывалась по тому кредиту? Пять лет?

– Да.

– И это в том случае, если бы у тебя хватило денег рассчитаться... Итого имеем иллюзию счастья, которая продлилась всего-то полгода, и долговое рабство на неопределенный срок...

Жанна встала.

Она не намеревалась и дальше выступать в роли шута. Хотят веселиться? Пускай, но не за счет Жанны... И вообще, почему она осталась в доме?

Уезжать надо.

Быть может, выдумал все Кирилл и нет никакого убийцы, но есть череда печальных совпадений.

– Побег никогда не решал проблемы, – донеслось в спину. – Пока ты не будешь готова признать, что оказалась слаба, ты не станешь сильней.

– А если... – Жанна обернулась, сдерживая непонятный ей самой гнев, – если я не хочу становиться сильней?

Она закрыла дверь осторожно, поскольку боялась, что если та хлопнет, то хлопок этот будет выглядеть признаком ее, Жанны, слабости.

Нервы.

Нервы требовали успокоения. Хотя бы прогулки. Кирилл просил не выходить из дому одной, но... Жанна не может оставаться в нем. Она задыхается.

И завтра же домой. Хватит с нее...

Она сбегала по ступенькам и остановилась, переводя дух.

– Зря ты убежала, – раздался тихий голос. – Извини, если испугал.

– Нет, что ты...

Николаша кивнул.

Он вышел на свет, поморщился, словно и электрический, желтый, был ему неприятен. На вампира похож, но не лощеного, киношного, а бродячего. В свитере своем старом, рябом, в джинсах этих, что мешком висят. Кожа бледная, белая. И волосы светлые, и глаза.

– Зря ты убежала, – повторил он. – Но погода хорошая... Прогуляемся?

Жанна хотела было согласиться, но вспомнила о другой своей недавней прогулке, которая едва не закончилась весьма плачевно, и покачала головой:

– Пожалуй, я вернусь...

– Плохая идея. – Николаша сунул руки в карманы и сгорбился еще сильнее. – И не бойся, я тебя не трону. Мне самому интересно, кто убивает.

– А кто-то...

– Брось, Кирилл ведь не просто так тебя приволок. И рядом вертится, точно у вас любовь неземная.

– А если у нас и вправду любовь неземная?

Стало обидно.

– Смешно, – оценил Николаша, но пояснить соизволил: – Кирюха если кого и любит, то исключительно самого себя. И деньги, конечно... Идем.

Не дожидаясь согласия, он схватил Жанну за руку и потянул за собой. И как ей быть? Звать на помощь? Или рискнуть...

– Не трусь. – Николашина ладонь была широкой и сильной. – Я не имею обыкновения людей убивать. К тому же выгоды мне с этого никакой.

– Почему? Избавиться от очередной наследницы. Увеличить собственную долю.

Николаша выразительно хмыкнул и, выпустив ладонь, руку предложил.

– Пойдем, – сказал он. – И я все объясню.

– Куда пойдем?

– Недалеко... вот, по аллее. По аллее погулять согласишься?

Упомянутая аллея была освещена двумя десятками фонарей, и просматривалась хорошо, и выглядела безопасно.

– Идет, – она положила руку на сгиб локтя. – Объясняй.

Некоторое время Николаша молчал, но молчание это казалось столь сосредоточенным, что прерывать его Жанне было неудобно.

– Завещание составлено. И доли, как ты выразилась, определены, – наконец заговорил Николаша. – Причем, зная старуху, могу сказать, что определены они предельно ясно... Каламбур получился.

Он улыбнулся этой своей шутке.

– Она любит перестраховываться. И Аллочка зря думает, что если завещание окажется не в ее пользу, то хороший адвокат спасет ситуацию. Моя сестрица считает себя очень умной.

– А на самом деле?

– На самом деле... на самом деле у нее хорошее образование, это да. Но образование и ум – немного разные вещи. Она... Я ее не слишком люблю.

– Заметила.

– Старуха ее выделяла... раньше... Она любит боевитых, вот Аллочка и лезла из шкуры, доказывая, что у нее характер... Это да, характер есть. А вот мозгов порой не хватает. Она это чувствует, вот и бесится. И с завещанием у нее не выйдет. Старуха и с того света найдет способ все по-своему сделать.

Жанна молчала. Слушала.

– Наследник один. А остальным достанутся утешительные призы. Скажем, некие суммы... тысяч по сто...

– Сто тысяч?!

– Для тебя это много? – Николаша посмотрел с сочувствием. – Пожалуй, что да... много... но по сравнению с тем, что получит главный наследник, – это мизер... За старухой миллионы стоят. И вся интрига в том, чтобы понять, кому эти самые миллионы достанутся. Мне нет нужды убивать тебя, чтобы увеличить свою долю. Она неизменна. Но технически,

если я рассчитываю увеличить свои шансы и стать основным наследником, тогда да, убить тебя я должен.

– Почему?!

– Потому что, во-первых, ты появилась явно не случайно. Старуха до этого о твоей матери не вспоминала вовсе. И вдруг этакое желание восстановить семью. Будь я убийцей, увидел бы опасность. Во-вторых, опять же, пояс...

– Тот самый?

– Тот самый. В теории он может наследоваться вместе с прочим состоянием, а может быть, и отдельно. Главное, что и в первом, и во втором случае пояс получит только женщина. Таковы правила. Что выходит? И с одной, и с другой стороны – ты лишняя... Кирилл это понял, собственно говоря, поэтому тебя и притащил.

– Подставил.

– Да, – не стал спорить Николаша.

Больше сказать было нечего, и Жанна молчала. Ее спутник тоже не спешил начинать новый разговор. Какая-то неправильная прогулка получается.

Глубокий вечер. Аллея.

Фонари.

Луна висит. Сплошная романтика...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.